

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

УБИЙСТВО
В СТАРОМ ДОМЕ

Энн Грэнджер
Убийство в старом доме
Серия «Лиззи Мартин
и Бен Росс», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824131

Убийство в старом доме: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04079-4

Аннотация

Лиззи Мартин приезжает в Лондон по приглашению жены своего крестного отца, чтобы стать ее компаньонкой. По пути в дом, где ей предстоит жить, она видит подводу, на которой лежит труп. Лиззи считает такую встречу зловещим предзнаменованием. Позже оказывается, что это тело убитой Маделин Хексем, бывшей компаньонки, место которой суждено занять Лиззи.

Лиззи, смелая и прямодушная девушка, идет на риск, решив самостоятельно выяснить, кто убил ее предшественницу. От Скотленд-Ярда расследование ведет инспектор Бен Росс. Он земляк Лиззи и помнит ее девочкой. В свое время отец Лиззи, доктор Мартин, оплатил учебу Росса в школе, и Росс считает его своим благодетелем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	53
Глава 4	77
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Энн Грэнджер

Убийство в старом доме

Эту книгу, действие которой разворачивается в прошлом, я посвящаю своим внукам, Уильяму и Джози Халм, которые олицетворяют собой будущее...

Мне хочется поблагодарить всех, кто помог мне в работе над этой книгой. Особое спасибо Кэтрин Ард, Дэвиду Беллу, Джо Барроузу и Джоан Локк.

Глава 1

Элизабет Мартин

Паровоз протяжно выдохнул – словно огромная пожилая леди, ослабившая шнурки на корсете, – и окутал всех и вся клубами едкого дыма и пара. Постепенно дым поднимался над платформой и скапливался под крышей вокзала. Запах напомнил мне детство, кухню и нашу экономку Мэри Ньюлинг, которая поручала мне чистить крутые яйца.

Время от времени дымовая завеса ненадолго развеивалась, и я видела очертания человеческих фигур; они сменяли друг друга, как в «волшебном фонаре». Вот женщина с боль-

шим дорожным саквояжем тянет за собой малыша в матросском костюмчике. Потом женщина и малыш исчезли так же внезапно, как появились, зато неподалеку возник мужчина в куртке, ярких клетчатых брюках и цилиндре, лихо заломленном на затылок. Незнакомец смерил меня хищным, оценивающим взглядом; прежде чем его снова скрыло облако черного дыма, я успела понять, что не заслужила его одобрения.

«Не огорчайся, Лиззи Мартин! – велела я себе. – Ты совсем не красотка и одета не модно, зато можешь не опасаться, что попадешь в беду».

И все же мое тщеславие оказалось задето – уж слишком быстро незнакомец меня отверг.

К моему огромному облегчению, дым быстро развеивался, и в следующий раз рядом со мной возникла фигура в форме носильщика. Низкорослый и жилистый человек неопределенного возраста ухмыльнулся мне и коснулся пальцами своей фуражки. Несомненно, его жест призван был продемонстрировать уважение, однако я невольно подумала, что, незаметно дотрагиваясь пальцами до виска, обычно люди имеют в виду кого-то, кто не совсем нормален, попросту говоря, не в своем уме.

– Взять ваш багаж, мисс?

– У меня всего один саквояж, – как бы оправдываясь за скудость своего багажа, сказала я, – и шляпная картонка.

Не дослушав, носильщик схватил мои вещи и резво за-

шагал к разделительному барьеру. Я поспешила за ним. Величественный кондуктор забрал у меня билет, и мы с моим спутником вышли в главный вестибюль вокзала.

– Мисс, вас встречают? Может, найдем кеб? – предложил носильщик, испытующе глядя на меня.

– Да, пожалуй, только...

Поздно!

– Следуйте за мной, мисс. Я отведу вас на стоянку.

Миссис Парри прислала мне подробное письмо, в котором выразила сожаление, что встретить меня некому. Зато она дала весьма точные рекомендации, касающиеся того, что можно и чего нельзя делать по прибытии в столицу. Я должна поручить свои пожитки только носильщику, который (следующие слова были подчеркнуты жирной линией) должен быть служащим железнодорожной компании и никем иным. Если я доверю вещи постороннему, то, вероятнее всего, больше их не увижу. Я порадовалась, что выполнила хотя бы одно указание будущей хозяйки.

Второе ее указание – нанять кеб, выбрав лошадь в хорошем состоянии, и заранее договориться с извозчиком о цене. Кроме того, необходимо потребовать, чтобы он вез меня наикратчайшей дорогой. По словам миссис Парри, кебмены иногда ведут себя дерзко и нахально с одинокими дамами; мне ни под каким видом не следует поощрять вольности.

Откуда ни возьмись передо мной появилась стайка оборванных детишек; они стали кланчить милостыню.

– А ну, убирайтесь! – неожиданно свирепо прикрикнул на них мой носильщик. Когда маленькие оборванцы разбежались, свистя и ухмыляясь, мой провожатый обернулся ко мне и предупредил: – Вы с ними поосторожнее! Никогда не доставайте при них кошельки.

– Д-да... конечно, – еле слышно согласилась я. Пусть глядя на меня каждый поймет, что перед ним провинциалка, я себя дурочкой не считала. В моих родных краях тоже водились мелкие воришки.

Пахло дымом, угольной пылью, смазкой, немытым телом и лошадьми. Мы добрались до стоянки, где пассажиров ожидали наемные экипажи, в основном тяжелые, четырехколесные, очень вместительные. Проезжая по мостовой, они производили страшный грохот.

– Такие больше подходят для дамы, которая путешествует одна, – доверительно сообщил мне носильщик. – Двухколесный кабриолет лучше не берите... Куда вам, мисс? – И, не дожидаясь моего ответа, окликнул кого-то: – Иди сюда, Уолли, да побыстрее! Не видишь, что ли, даме нужен кеб!

Извозчик, к которому он обратился, стоял, прислонясь к заду своей лошади, и вдумчиво ел пирог. Закинув в рот последние крошки, он повернулся к нам, и я вздрогнула. Судя по всему, приземистый, мускулистый кебмен однажды столкнулся с чем-то очень тяжелым: нос и уши расплющены, на лице множество шрамов... Сама бы я ни за что не отважилась обратиться к такому субъекту.

Увидев страх в моих глазах, кебмен спросил у меня:

– Мисс, вас испугала моя помятая физиономия? – Он ткнул коротким пальцем в свой искривленный нос. – Это я на ринге заработал! Занимался боксом, а потом все бросил... из-за женщины. Она сказала: «Уолли Слейтер, выбери! Либо бокс, либо я». Тогда я был еще молодой и глупый, – доверительно продолжал Уолли. – Выбрал ее, и с тех пор она моя любящая жена, а я зарабатываю на жизнь частным извозом! – Он сдавленно хохотнул и хлопнул себя руками по бокам. Его лошадь громко фыркнула.

– Не болтай, Уолли, – укорил его мой носильщик. Видимо, он, как и лошадь, уже много раз слышал историю жизни кебмена. – Мисс, так куда вам ехать?

Я ответила, что мне нужно на Дорсет-сквер, и добавила:

– Это в квартале Марилебон.

– Хорошее место, – заметил Уолли, забирая мой багаж у носильщика.

– Сколько? – быстро спросила я, помня о полученных инструкциях.

Извозчик прищурился, отчего вид у него стал еще более зловещим, и назвал цену. Я покосилась на носильщика; тот ободряюще кивнул. Возможно, это означало, что торговаться не следует, потому что кебмен не запросил лишнего, – не знаю. Может быть, носильщик был в сговоре с извозчиком; во всяком случае, они казались старыми знакомыми.

Мои подозрения укрепились еще больше, когда Уолли

Слейтер вдруг сказал:

– Только учтите, мисс, если нам придется долго ждать или сворачивать, чтобы пропустить подводы, с вас еще шесть пенсов.

– Везите меня прямо на место, никуда не сворачивая! – сурово приказала я.

– Вижу, мисс, вы не понимаете! – заметил мистер Слейтер, сразу посерьезнев. – Там, куда мы едем, сейчас расчищают место под строительство нового вокзала. Сносят дома и вывозят мусор. Вокруг стройки все перегорожено. Вот почему приходится объезжать. Разве я не прав? – обратился он к носильщику.

Последний закивал, как китайский болванчик.

– Верно, мисс. Понимаете, в скором времени поезда из центральных графств будут прибывать на собственный вокзал, Сент-Панкрас. Мидлендская железнодорожная компания уже выкупила все дома в округе и выселила оттуда жильцов. Теперь старые дома сносят и расчищают место под строительство... Снесут все, даже церковь!

– Я слышал, ее потом заново отстроят в другом месте, – заметил кебмен.

– А меня другое интересует, – сказал носильщик. – Отстроят ли заново жилье для выселенных людей?

– Только с кладбищем вышла заминка! – мрачно продолжал кебмен. – Они хотели и могилы убрать, даже подкоп сделали – это у них называется «эксперимент». А потом при-

шло все бросить, потому что они то и дело натыкались на человеческие останки.

Оба пристально посмотрели на меня, словно желая узнать, как я отношусь к такому омерзительному поступку. Я поняла, что их совместные доводы должны были сломить мое сопротивление.

— Что ж, ладно, — деловито, как мне показалось, ответила я, сунув носильщику монету. Он снова по-своему отсалютовал мне и поспешил прочь.

Прежде чем меня посадили (точнее, закинули) в кеб, я все же успела кое-как оглядеть лошадь. На мой неопытный глаз она выглядела вполне здоровой, хотя, даже если бы на ее месте оказалась самая жалкая, заезженная кляча во всем Лондоне, менять извозчика было бы уже поздно. Мы тронулись с места.

Должна признаться, мне не терпелось поскорее взглянуть на столицу; и как только мы с грохотом покатали по мостовой, тут же высунулась из окошка. Помимо всего прочего, мне хотелось подышать свежим воздухом, потому что в экипаже, впрочем относительно чистом, было душно и пахло потом. Но вскоре я поняла, что мое желание безрассудно. Шум на улицах стоял оглушительный; нас то и дело обгоняли другие экипажи и кареты. Извозчики кричали друг на друга: «Эй, с дороги!» и «Поберегись!». Мне показалось, что правила ехать по левой стороне не придерживался почти никто. Извозчики, во всяком случае, предпочитали двигаться пря-

мо посреди дороги – часто для того, чтобы обогнать омнибус, который влекли усталые, потные лошади. Насколько я помнила, кебы также должны были уступать дорогу частным экипажам, но и это правило, по-моему, соблюдалось лишь в исключительных случаях.

Однако больше всего изумили меня пешеходы. Рискуя жизнью и здоровьем, они норовили перебежать улицу прямо под колесами проезжающих экипажей, не обращая внимания на брызги грязи и кое-чего похуже. Брызги запачкали бы и меня, если бы я в тот миг по глупости высунула голову наружу. Правда, на улицах работали подметальщики, которые, как могли, старались расчистить дорогу для публики, одетой почище. В целом же мне показалось, что большинство лондонцев привыкли к грязи. Скоро я поняла, что наблюдать за столичной жизнью лучше глядя в окошко экипажа. Мимо пробегали самые разные фигуры, которые я почти не успевала рассмотреть.

В толпе пешеходов сновали разносчики, предлагавшие самый разный товар: от ежедневных газет до лент и спичек. На обочинах стояли лотки и тележки, с которых торговали фруктами и овощами. Резкий запах селедки заставил меня прижать к носу платок, что не помешало мне разглядеть торговку рыбой, сидящую рядом с большой бочкой. И почти сразу я увидела лоток с двумя большими медными кофейниками, источавшими дивный аромат. Здесь продавали горячий кофе в розлив.

Вскоре мы приблизились к месту, где в будущем должен был появиться новый вокзал: навстречу нам стали попадаться бесчисленные подводы, груженные строительным мусором. Подводы сильно затрудняли движение. В экипаж пролилась пыль, и я закашлялась. Я сразу поняла, что стройка не пользуется особой любовью горожан. Глядя на скрипучие старые подводы, которые еле тащились по мостовой, пешеходы морщились в досаде, а кибитки отчаянно ругались: им приходилось выстраиваться в очередь, чтобы объехать вереницу подвод по другим улицам. И сами подводы, и то, что на них перевозилось, внушали жалость. Среди битого кирпича и колотой черепицы виднелись обрывки материи, которые когда-то служили занавесками, и клочки дешевых ковров; иногда в куче мусора валялись сломанные стулья или покореженные металлические спинки кроватей. Засохший розовый куст свидетельствовал о попытках какого-то бывшего жильца разводить садик... Словно огромные костлявые пальцы, из мусора торчали сломанные доски, оконные и дверные рамы.

Вдруг мы резко остановились.

«Неужели приехали?» – подумала я.

Видимо, извозчик прочитал мои мысли, потому что окошко в передней стенке открылось, и я увидела физиономию Уолли Слейтера.

– Придется подождать, мисс. Полисмен остановил движение, чтобы пропустить еще одну подводу.

– Полисмен?

– Полицейский, сыщик, пилер¹ – словом, малый, который охраняет закон и порядок. Надо сказать, неплохо они устроились, наши полицейские! Всеми командуют и мешают честным гражданам заниматься своими делами, – презрительно заключил кебмен.

Я отважилась высунуться из окошка, чтобы посмотреть, чем эта подвода отличается от остальных и почему для ее передвижения потребовалось вмешательство полицейского. В ноздри мне угодило новое облачко пыли, и я чихнула. Я уже собиралась снова спрятаться в экипаж, когда из-за поворота справа показалась та самая подвода. Она была точно такая, как остальные, на которых со стройки вывозили мусор, но на ней лежало нечто непонятное, длинное и узкое, накрытое куском просмоленной парусины. Если другие повозки, грохотавшие по мостовой, провожали свистом и презрительными выкриками, то эту встретили в любопытном и тревожном молчании.

Стоявший неподалеку от нас пожилой прохожий стянул с головы кепку.

Экипаж качнуло; я увидела, что мой извозчик спрыгнул со своей скамьи и подошел к плотному человеку в одежде рабочего. Судя по всему, он его знал. Они стали о чем-то перешептываться.

¹ П и л е р – производное от имени Роберта Пиля, реорганизовавшего лондонскую полицию в 1829 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Что там – несчастный случай? – крикнула я.

Оба повернулись ко мне. Рабочий открыл было рот, но кебмен опередил его:

– Мисс, вам не о чем волноваться.

– Но ведь на той повозке труп! – не сдавалась я. – На строительстве вокзала произошел несчастный случай со смертельным исходом? – Тут я вспомнила рассказ Уолли об «эксперименте». – Или они везут гроб с кладбища?

Уолтер Слейтер, бывший боксер, смотрел на меня ошарашенно и осуждающе. Не знаю, что ему не понравилось больше – мой деловитый тон или мое нездоровое любопытство. Он явно считал, что порядочным молодым леди не положено так вести себя при встрече с покойниками. Наверное, мне следовало бы устроить истерику. Однако я никогда не была плаксой, да и в обморок не падала ни разу в жизни. Мне показалось, что я должна объясниться.

– Мой отец был врачом, – сказала я. – Его часто вызывали, когда происходил несчастный случай на... – Я замялась. Я собиралась сказать «на шахте», но здесь ведь Лондон, а не Дербишир! Что лондонцам известно об угольных шахтах? Поэтому я неловко поправилась: – В разные места!

– Да, мисс, это уж точно, – ответил кебмен.

Но я сразу поняла, что он заметил мою оплошность.

Мысленно отругав себя, я решила помалкивать. Наверное, в столице не приветствуют провинциальную простоту и открытость. Подумать только, я ухитрилась шокировать да-

же кебмена! Трудно даже представить, какие оплошности я могу допустить, общаясь с представителями высшего общества!

Впрочем, пожилого рабочего наш разговор как будто даже позабавил.

– Бог с вами, мисс, – весело произнес он, обращаясь ко мне. – При чем здесь кладбище? Труп совсем не старый, а почти свеженький.

Слейтер мрачно приказал своему собеседнику прикусить язык. Я же решила: раз кебмен уже заклеил меня за нездоровый интерес к событию, попробую порасспрашивать еще. В конце концов, семь бед – один ответ.

– Что значит «свеженький»? Значит, в самом деле несчастный случай? – спросила я у рабочего.

– На месте сноса нашли тело женщины, – с удовольствием ответил тот. – Зверское убийство! Ее затащили в один из домов, предназначенных под снос, и запихнули под сломанную кровать. Она уже вся позеленела, как капуста, да и крысы...

Я побледнела. Однако кебмен, видимо, решил, что с нас достаточно малоприятных подробностей, и рывкнул:

– Хватит!

По-моему, он испытал некоторое удовлетворение, увидев, что услышанное сильно подействовало на любопытную пассажирку. Он покосился на меня с многозначительным видом, словно желал сказать: «Вот видите, мисс, это послужит вам хорошим уроком. Нечего совать свой нос в дела, о кото-

рых вам знать не положено!»

Меня спас полицейский констебль, который до тех пор перегораживал улицу.

– Поехали! – крикнул он.

Мистер Слейтер вскарабкался на свою скамью, свистнул, и мы покатали дальше.

Подобрав с пола упавшую шляпную картонку, я откинулась на спинку сиденья и попыталась прогнать из памяти ужасные слова пожилого рабочего. Невольно мне вспомнился другой труп, который мне довелось видеть довольно давно. Хотя тот несчастный и не стал жертвой убийства, его тоже увезли с места происшествия на подводе... Да, он не стал жертвой убийства, хотя все зависит от точки зрения. По мнению моего отца, то, что тогда случилось, вполне можно было назвать убийством.

Я гнала прочь страшные воспоминания, но мне невольно подумалось, что подвода с трупом – мрачное предзнаменование. Что меня ждет в Лондоне? Я снова вспомнила об обрывках занавесок на куче битого кирпича и поломанных досок. Куда подевались все те, кто жил в снесенных домах? Получили ли они компенсацию за уничтоженное имущество? Скорее всего, нет. Их выгнали из домов ради торжества прогресса, и то, что осталось после них, внушало непреодолимый ужас.

Лошадь перешла на бодрую рысцу. Я заметила, что экипажей вокруг стало меньше. Мы очутились в более феше-

небольшой части города. Улицы, по которым мы проезжали, были застроены красивыми домами. Повернув в очередной раз, мы очутились на четырехугольной площади, окруженной особняками, перед которыми приветливо зеленели лужайки. Мы как будто вырвались из столичной кутерьмы в другой, более спокойный мир.

Перед одним из особняков мы остановились. Мистер Слейтер распахнул дверцу и помог мне спуститься.

– Вам ведь сюда? – спросил он, словно боялся, что я дала ему неверные указания. – Очень красивый дом. Если когда-нибудь наживу состояние, что вряд ли возможно, поселюсь в таком же. Но, как я уже сказал, это маловероятно, – философски продолжал мой извозчик. Его лошадь, словно в ответ на его слова, презрительно фыркнула. – Чем же вы здесь будете заниматься? – осведомился мистер Слейтер.

Миссис Парри ведь предупреждала меня! Вот оно – лондонский кебмен пристаёт к одинокой пассажирке! Я открыла было рот, собираясь сказать, что мои дела его не касаются, но заметила в его глазах лукавые огоньки и неожиданно для себя вместо отповеди расхохоталась:

– Я буду компаньонкой хозяйки дома, мистер Слейтер.

Уолли в ответ оскалил желтые зубы, а его лошадь нетерпеливо затопала по булыжникам, высекая искры.

– Надеюсь, вам понравится, – мрачно произнес кебмен.

– Спасибо, мистер Слейтер. Будьте любезны, снимите, пожалуйста, мои вещи.

— Какая вы вежливая! — заметил он. — Видать, получили отличное воспитание. И характер у вас, судя по всему, хороший, хоть вы и интересуетесь покойниками... Знаете что? — вдруг спросил он. — Вы редкая птица, вот вы кто. Такое мое мнение. Вы редкая птица!

Подхватив мои вещи, он потопал к парадной двери, где взял дверной молоток и громко постучал.

Когда за дверью послышались шаги, кебмен неожиданно обернулся ко мне и добавил хриплым шепотом:

— Мисс, сдастся мне, в Лондоне у вас никого нет. Если вам понадобится помощь, пошлите весточку Уолли Слейтеру на стоянку при вокзале Кинге-Кросс. Ее любой передаст.

Его предложение безмерно удивило меня, но я ничего не ответила и даже не спросила, чем оно вызвано, потому что дверь открылась.

Глава 2

На пороге стоял дворецкий, поразивший меня своей холодной невозмутимостью. Услышав, кто я такая, он молча смерил выразительным взглядом мое простое дорожное платье и практичные башмаки на шнуровке, а затем кивком указал на холл, где мне следовало ожидать, пока он расплатится с кебменом.

Из дома я их не видела, зато слышала, как Уолли Слейтер весело воскликнул:

– Сойдет!

Хлопнула дверца, Уолли свистнул, и четырехколесный экипаж загрохотал по мостовой. Я поняла: хотя и пробыла в Лондоне совсем недолго, не успела завести себе друга – и уже рассталась с ним.

Оставшись ненадолго одна, я огляделась по сторонам. Меня переполняло любопытство. Мои познания в области внутреннего убранства особняков были весьма ограниченными, но я поняла, что дом миссис Парри обставлен дорого и по последней моде. Пол устилали дорогие персидские ковры. У себя дома я долго экономила, прежде чем смогла заменить вытершийся ковер в гостиной, и была рада куда более скромному изделию. На резных жардиньерках стояли горшки с самыми разными комнатными растениями. Стены были увешаны картинами; на мой взгляд, не слишком хорошо сочетавши-

еся друг с другом: овцы с шотландского высокогорья перемежались акварельными изображениями итальянских озер. Сильно пахло воском и цветочной ароматической смесью. Подняв голову, я заметила на стене газовый рожок – последнюю новинку. Дома мы зажигали свечи и масляные лампы... В углу с достоинством тикали ходики.

– Будьте добры, мисс, следуйте за мной! – Вернувшийся дворецкий по-прежнему смотрел на меня без всякого выражения. – Миссис Парри примет вас в малой гостиной.

Его слова звучали необычайно величественно. Устав после долгого пути, я испытывала нечто похожее на благоговейный страх.

Позже я много раз поднималась и спускалась по этой лестнице и поняла, что она не слишком высока или крута, но в день приезда на Дорсет-сквер, идя наверх следом за дворецким, я вообразила, что она просто бесконечна.

Дворецкий не спешил, и я успела его нагнать, пытаясь приноровиться к его шагам, удивляясь тому, как он медленно ходит. Может быть, неспешная поступь свидетельствует о его важном положении? Или он замедляет шаги нарочно, чтобы дать мне возможность оглядеться и проникнуться духом дома?

Мой багаж он оставил внизу; какими жалкими и потертыми казались сверху саквояж и шляпная картонка! Я смущенно отвела от них взгляд.

На лестнице тоже висели картины. Некоторые из них мне

даже понравились – это были довольно искусно написанные итальянские пейзажи. К сожалению, как и внизу, они висели попеременно с изображениями шотландского высокогорья: заснеженные вершины, покрытые сизой дымкой, и стада овец. Никаких фамильных портретов... Может быть, они висят в другом месте?

Второй этаж также украшали жардиньерки, из которых тянули свои листья растения. Кроме того, я увидела бронзовую статую ростом с меня. Юноша в тюрбане изящно держал на вытянутой руке канделябр. Невидящие глаза статуи смотрели прямо на меня, полные губы изогнулись в благожелательной улыбке. Я мысленно поблагодарила за это бронзового юношу.

Замысел дворецкого принес печальные плоды; к тому времени, как мы добрались до малой гостиной, мне не то чтобы захотелось бежать из дома на Дорсет-сквер – бежать мне, собственно говоря, было некуда, – я преисполнилась самыми дурными предчувствиями.

Едва войдя в гостиную, я услышала шорох. Мне навстречу поспешила невысокая, очень полная и очень живая женщина и тепло меня обняла:

– Вот и вы, дорогая Элизабет! Как вы доехали? В поезде, надеюсь, было достаточно чисто? Ох уж эти паровозы! В поездах то запачкаешься сажей, то искра прожжет дыру в платье! – Она встревоженно оглядела меня с головы до ног, словно ища дыры или грязные пятна.

Миссис Парри оказалась намного моложе, чем я ее себе представляла; на вид ей можно было дать лет сорок с небольшим. Зная, что ее муж – ровесник моего отца, я ожидала, что его вдова окажется престарелой дамой. Кожа у нее была сливочная, очень гладкая, без единой морщинки, словно у девушки, прожившей всю жизнь в деревне. Каштановые волосы были расчесаны на прямой пробор и убраны под небольшой кружевной чепец.

Ее платье явно шила настоящая мастерица. В целом миссис Парри производила довольно приятное впечатление и казалась славной женщиной.

– Я добралась благополучно, мадам. Благодарю вас за заботу.

Дурное предчувствие, овладевшее мной на лестнице, постепенно проходило. Однако мне стало казаться, будто я попала в западню.

Гостиная, как и прочие помещения в доме, которые я успела осмотреть, была так же тесно заставлена мебелью и безделушками и увешана картинами. Стоял погожий майский денек; хотя на улице было свежо, холода уже прошли. И все же в камине потрескивали угольки, отчего в комнате, на мой вкус, было душновато. Так как я привыкла на всем экономить и вопрос, растапливать ли камин, служил для меня поводом для долгого рассуждения – вначале определялась температура на улице и вероятность промерзнуть в доме до костей, – такая жара показалась мне расточительной. И все

же смотреть на огонь в камине приятно. Невольно я задумалась, где добыли тот уголь, который сейчас согревает нас. Может быть, по какому-нибудь капризу судьбы уголь, как и я, приехал сюда из Дербишира?

– Сначала выпьем чаю, – объявила миссис Парри, подводя меня к креслу. – Я велела Симмсу подавать чай, как только вы приедете. Должно быть, вы ужасно проголодались... К сожалению, ужинать мы будем только в восемь. Вы подождете до восьми? – Она смерила меня пытливым взглядом. – Может быть, попросить Симмса подать вам, кроме пирога, что-нибудь посущественнее – например, пару яиц, сваренных в мешочек?

Я заверила ее, что вполне способна подождать до восьми и легко обойдусь куском пирога.

Мне показалось, мои слова не убедили миссис Парри. Во всяком случае, она очень приободрилась, когда вернулся дворецкий, и даже захлопала пухленькими ручками. Поднос оказался громадным; помимо чашек и прочего, на нем стояли блюда с пирогами двух видов: ореховым и бисквитным – и еще одно блюдо, накрытое серебряной крышкой. Симмс, на чьем лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, ловко и быстро поставил поднос на стол и снял крышку с третьего блюда. На нем высилась гора пышек, сочащихся маслом.

– Ничего особенного, – доверительно сообщила мне миссис Парри. – Но ведь вы с дороги, поэтому, наверное, сейчас готовы ко всему!

Я решила, что в доме миссис Парри точно не буду голодать. Видимо, завтраки, обеды, полдники и ужины играли большую роль в распорядке дня миссис Парри. То и дело упрасывая меня не стесняться, она сама отдавала должное пирогам и пышкам. Ей все время приходилось стирать с подбородка струйки расплавленного масла. Наконец, она с довольным вздохом откинулась на спинку стула, и я поняла, что она собирается перейти к делу.

— Итак, Элизабет, поскольку вы — крестница моего покойного мужа, вы скорее родственница, чем платная компаньонка, как... — На долю секунды она замялась, а затем продолжала как ни в чем не бывало: — Как некоторые молодые особы.

Мне показалось, что она собиралась сказать что-то другое. Интересно что? Наверное, здравый смысл велел ей пока утаить от меня кое-что — во всяком случае, в первое время. Зато я воспользовалась случаем, чтобы выразить ей свою искреннюю благодарность. В конце концов, она предложила мне крышу над головой как раз в такое время, когда положение мое стало отчаянным.

— Что вы, что вы, дорогая моя! — ответила миссис Парри, похлопав меня по руке. — Меньшего я не могла для вас сделать. Мистер Парри всегда хорошо отзывался о вашем покойном папеньке — хотя и жалел, что ему недостает умения зарабатывать деньги. Он очень сокрушался, что ваш батюшка предпочел поселиться в отдаленном уголке страны, что

мешало ему навестить друга...

Я не поняла, что она имеет в виду – то ли мой отец должен был приехать в гости к мистеру Парри, то ли сам мистер Парри должен был приехать в гости к моему отцу. Кроме того, мне вовсе не казалось, что Дербишир находится так далеко от Лондона. Просто дела не оставляли мистеру Парри времени для путешествий, как и у моего отца не было времени для поездок в гости из-за того, что его то и дело вызывали к больным. Со слов отца я знала, что мистер Парри сколотил себе приличное состояние на импорте тканей из самых отдаленных уголков Земли. Кроме того, впоследствии он весьма выгодно вложил свои деньги в различные предприятия. Одним словом, его вдова была женщиной вполне обеспеченной.

Миссис Парри продолжала:

– Я долго думала, как вам лучше ко мне обращаться, и решила, что вам стоит называть меня «тетя Парри»! – Она просияла.

Я смутилась, но поблагодарила ее.

– Естественно, – продолжала она, – вы будете жить в моем доме на положении родственницы. Но вам надо прилично выглядеть; следовательно, нужны будут деньги на булавки. Кроме того, вы будете исполнять обязанности моей компаньонки... У вас, дорогая моя, кажется, нет собственных средств? – сочувственно осведомилась она.

В ответ я лишь покачала головой.

– Как вы посмотрите на то, что будете получать... – она окинула меня опытным взглядом, – сорок фунтов в год?

Я подумала, что сорок фунтов – сумма совсем небольшая, но мне ведь не надо будет платить за еду и жилье. Наверное, я как-нибудь продержусь, если буду немного экономить. Хотя, если мне «надо прилично выглядеть», экономить придется буквально на всем.

Я снова поблагодарила ее и немного испуганно спросила, в чем заключаются мои обязанности.

Миссис Парри ответила довольно неопределенно:

– Читать мне, быть четвертой в висте... Вы играете в вист? – Она подалась вперед в ожидании моего ответа.

– Правила я знаю, – осторожно ответила я.

– Отлично, отлично! Я читала ваши письма ко мне и знаю, что у вас хороший почерк. Мне нужно, чтобы кто-то писал за меня письма – своего рода секретарь. Я нахожу переписку весьма утомительным занятием. Кроме того, вы будете при необходимости сопровождать меня в гости, принимать вместе со мной гостей дома, выполнять прочие мелкие поручения... и так далее.

Миссис Парри умолкла и плотоядно посмотрела на последний кусок бисквитного пирога. В ней как будто происходила внутренняя борьба.

Я сообразила, что мне придется отрабатывать каждый фунт из обещанных сорока... Похоже, времени на себя у меня совсем не останется.

– И еще мы с вами будем беседовать, – неожиданно продолжала миссис Парри. – Элизабет, надеюсь, вы хорошая собеседница.

Хотя ее слова лишили меня дара речи, я кивнула – как надеялась, вполне убедительно.

– А теперь, по-моему, вам необходимо отдохнуть. Скорее всего, ваши платья безнадежно помялись в дорожных сумках... Есть ли у вас платье, которое Ньюджент успеет отгладить до ужина? Я передам ей, чтобы она зашла в вашу комнату и немедленно взяла его.

– К ужину ожидаются гости, миссис... тетя Парри? – забеспокоилась я, помня о скудном содержимом моего единственного саквояжа.

– Сегодня вторник, – ответила миссис Парри. – Значит, к нам придет доктор Тиббет. По вторникам и четвергам милый доктор всегда ужинает здесь. Он – доктор богословия, а не медицины, как ваш батюшка. Очень, очень достойный джентльмен! Фрэнк еще в Лондоне, так что он тоже будет. Он знает, что я не люблю, когда по вторникам и четвергам он ужинает со своими друзьями. Бедный мальчик! Видите ли, он служит в министерстве иностранных дел.

– Я не... То есть Фрэнк ваш сын, тетя Парри? Простите мне мое невежество.

– Что вы, дорогая! Фрэнк – мой племянник, сын моей несчастной сестры Люси. Она вышла за майора Картертона, страдавшего прискорбным пристрастием к азартным иг-

рам... Фрэнк, как и вы, остался без гроша. Впрочем, как я говорила, он служит в министерстве иностранных дел; поговаривают, что скоро его пошлют за границу. Если так, надеюсь, он поедет в такие края, где не слишком жарко, не слишком холодно и не слишком опасно. Кроме того, в дальних странах очень странно питаются... едят всякую гадость с совершенно отвратительными приправами! Пока Фрэнк в Лондоне, он живет у меня; здесь он хотя бы может насладиться всеми преимуществами добротной английской кухни!

Тетя Парри тяжело вздохнула и, уступив искушению, положила себе на тарелку последний кусок бисквита.

Дворецкий Симмс, успевший вернуться во время ее последней тирады, обратился ко мне:

– Мисс, будьте так любезны, следуйте за мной.

Мы поднялись еще на этаж, прошли по коридору, и Симмс указал на дверь:

– Ваша комната, мисс.

С этими словами он удалился. Я толкнула дверь и увидела в комнате остролицую женщину в мрачном темно-сером, хотя и хорошо сшитом платье. До моего прихода она успела достать из саквояжа мои скромные наряды и все их разложила на кровати. Когда я вошла, она выпрямилась и развернулась ко мне:

– Я Ньюджент, мисс, горничная миссис Парри.

– Благодарю вас, Ньюджент, – сказала я, – за то, что вы распаковали мои вещи. Вы очень добры.

Должна признаться, ее услужливость меня ужасно смутила. Вряд ли Ньюджент не заметила штопку на моих чулках, прожженное пятно на платье – я как-то раз неосторожно обернулась у камина и прожгла юбку. Я уже не говорю о том, что мне пришлось распороть старое клетчатое платье, вывернуть материю наизнанку и немного перешить его, чтобы оно прослужило еще немного... Впрочем, если даже Ньюджент сочла мой гардероб скудным и поношенным, она не подала виду.

– Погладить это платье, мисс? – Она встряхнула мое лучшее платье, которое я надеялась приберечь для особых случаев.

– Да, пожалуйста, – кротко ответила я.

Ньюджент вышла, перебросив платье через руку. На дне саквояжа она оставила несколько моих личных вещей. Я достала щетку для волос, гребень, зеркальце с ручкой слоновой кости и расставила их на старомодном туалетном столике. По моим предположениям, столик был сработан в середине прошлого века. Изначально он был красивым, с инкрустацией, но в узор, изображавшем рог изобилия, не доставало нескольких деталей. Наверное, его поставили в комнату компаньонки именно потому, что он устарел и обветшал...

В последнюю очередь я достала из саквояжа черную лакированную шкатулку, в которой лежали мои немногочисленные украшения, которые едва ли можно было назвать настоящими драгоценностями. У меня было только янтарное

ожерелье и колечко с рубином; и то и другое раньше принадлежало моей матери.

В шкатулке лежал и мамин портрет; я взяла его в руки. Небольшая акварель в черной овальной бархатной рамке размером примерно шесть дюймов в длину на четыре в ширину. Наверное, отец распорядился вставить мамин портрет в такую рамку после ее смерти. Раньше он висел над отцовской кроватью.

Сама я почти не помнила матери. Уже не впервые я задумалась над тем, похожа ли на нее. Если верить художнику, глаза у нее были серо-голубыми, а у меня они серые. Волосы у мамы каштановые, мои немного темнее. Мэри Ньюлинг, наша экономка, говорила мне, что отец «так никогда и не оправился после потери милой женушки». Я склонна была ей верить. Отец обладал ровным характером и был человеком добродушным, но я всегда чувствовала, что за его улыбкой прячется глубокая печаль.

Портрет я положила на туалетный столик. Пусть полежит до тех времен, когда я смогу повесить его на стену.

В моей комнате тоже висело множество картин – как и во всем доме. Хорошо, что здесь я хотя бы не увидела длинношерстных шотландских овец, которые тарасили глаза из багровой дымки. Зато здесь было больше итальянских пейзажей. На одной особенно безвкусной картине маслом изображалась плакальщица, закутанная в толстую ткань. Фигуру плакальщицы окружали поникшие деревья и какие-то пря-

моугольники, похожие на надгробные плиты. Я решила при первой возможности снять картину со стены и спрятать.

Откинув крышку лакированной шкатулки, я разыскала среди своих немногочисленных сокровищ кусочек серого сланца. Он служил мне талисманом, который подарили мне очень давно – на счастье. Сланец был в своем роде уникальным: на его поверхности отпечатались точные очертания крошечного листа папоротника. Я достала талисман, повертела так и сяк, чтобы на него упал свет, а потом осторожно положила назад. Отныне мне самой нужно будет преодолевать все преграды. И первой из них станет сегодняшний вечер, когда я познакомлюсь с остальными обитателями дома.

Я вздохнула. Я так объелась пирогами и пышками, что не представляла, как в меня влезет хотя бы еще кусочек чего-нибудь съестного. Дома мы питались старомодно, и самая плотная трапеза у нас устраивалась днем. Такой распорядок подходил отцу, который по утрам принимал пациентов в своем кабинете, а после обеда навещал больных, прикованных к постели, и часто возвращался очень поздно. Ужинали мы легко – как правило, поджаренным хлебом. Зимой Мэри Ньюлинг готовила наваристый мясной бульон с кореньями. Вот почему меня ужасала мысль о «добротной английской кухне», ожидавшей меня в восемь вечера.

Кроме того, я боялась, что даже в своем лучшем платье покажусь домочадцам миссис Парри деревенщиной. Впро-

чем, я еще носила полутраур по отцу, что, безусловно, давало мне право не стремиться быть похожей на картинку из модного журнала.

Волосы я скрутила простым узлом, надела платье, которое замечательно выгладила Ньюджент, на плечи накинула шаль из ноттингемских кружев и в начале восьмого спустилась вниз. К добру или к худу, мне придется жить дальше.

Хотя я спустилась раньше времени, общество было уже в сборе.

Я нашла всех в большой гостиной – она оказалась гораздо просторнее малой, в которой меня принимала тетя Парри, но тоже была премило обставлена. В мраморном камине пылал огонь.

Тетя Парри бурно приветствовала меня. Цвет ее наряда Мэри Ньюлинг наверняка определила бы как «вырвиглаз». Шелковое платье было самого модного оттенка – пурпурного. Кружевной чепец она сняла, а каштановые волосы были уложены в сложную прическу – Ньюджент пришлось потрудиться! Над висками лежали толстые валики из волос, похожие на колбаски; к ним Ньюджент приколола фальшивые локоны. В ушах тети Парри красовались серьги с крупными зелеными камнями. Ожерелье из таких же камней украшало ее шею; на руках я заметила несколько браслетов. Я надеялась, что ее украшения из страз, и подумала, что по-другому и быть не может. Если все эти изумруды настоящие, пожа-

луй, столько нет даже у индийского раджи.

У камина стояли два джентльмена. Когда я вошла, они были увлечены разговором, однако оба тут же обернулись посмотреть на меня. Тот, что постарше, стоящий справа, поставил ногу на медную решетку, а правую руку положил на каминную полку, которую украшала бархатная «дорожка» с кружевами.

Тот, что помоложе, слева, зеркально отражал позу своего собеседника.

Невозможно было не сравнить их с парой фарфоровых спаниелей, стоящих за ними на каминной полке. Правый собеседник что-то доказывал, а левый внимательно слушал. Но оба сразу смолкли, когда тетя Парри представила меня им со словами:

– А это Элизабет Мартин, которая приехала, чтобы составить мне компанию. Она – крестница мистера Парри; ее покойный отец и Джосая были друзьями детства.

Переменив позу, джентльмены перестали казаться похожими друг на друга. Пожилому на вид можно было дать лет шестьдесят; я решила, что он и есть доктор Тиббет. Его густые серебристые волосы завивались над воротником сюртука; густая шевелюра и пышные бакенбарды придавали ему сходство с величественным львом. Он был одет в строгий черный костюм, и я вспомнила, что он – доктор богословия.

Следовательно, второй джентльмен – Фрэнк Картертон, восходящая звезда министерства иностранных дел. Я

невольнo подумала: несмотря на утверждение миссис Парри, что Фрэнк, как и я, после смерти родителей остался без гроша, положение наше сейчас весьма различно.

Я всецело завишу от милосердия миссис Парри, которая наняла меня компаньонкой. Фрэнк сумел сделать неплохую карьеру. Наверное, тетушка положила ему щедрое содержание. Он был одет в хорошо сшитую черную визитку и парчовый жилет экзотического вида. Черный шелковый шейный платок был повязан по-богемному затейливо. Волосы у него вились — я решила, что не без помощи щипцов для завивки. Вне всяких сомнений, Фрэнка Картертона можно было назвать красивым молодым человеком. Он быстро окинул меня взглядом, пробудив неприятные воспоминания о зеваче на вокзале, который ненадолго показался из-за дымовой завесы и наградил меня столь же презрительным взглядом. Воспоминание невольнo настроило меня против Фрэнка. Кроме того, я терпеть не могла щеголей.

Рассмотрев меня с головы до ног, доктор Тиббет произнес:

— Надеюсь, мисс Мартин, вы — добрая молодая христианка.

— Да, сэр, стараюсь по мере возможности.

Фрэнк Картертон прикрыл рот рукой и отвернулся.

— Строгие принципы, мисс Мартин, строгие принципы — вот что способно поддержать нас в час испытаний... Кажется, вы недавно потеряли отца? Надеюсь, вы оценили добро-

сердечие миссис Парри, которая предложила вам поселиться в столь уютном доме.

Я действительно оценила ее добросердечие и уже сказала ей об этом, поэтому ответила просто:

– Да, конечно!

Мои слова, видимо, прозвучали резче, чем мне хотелось бы. Фрэнк Картертон изумленно поднял брови и посмотрел на меня еще раз более пристально.

– ...А также смирение! – сурово продолжал доктор Тиббет.

– Фрэнк, расскажи, чем ты сегодня занимался, – явно желая перевести разговор на другую тему, вмешалась миссис Парри.

– Усиленно трудился за столом, тетя Джулия. Испортил огромное количество бумаги и извел целую бочку чернил.

– Я не сомневаюсь в том, что ты усердно трудишься. Но, пожалуйста, не позволяй никому злоупотреблять твоей работоспособностью!

– Тетя, моя работа едва ли требует больших усилий. Я пишу служебную записку и посылаю ее в соседний отдел. Там сочиняют ответ и пересылают его мне... Так мы обмениваемся записками целыми днями, как будто играем в фанты. Самое смешное то, что отделы находятся рядом и любому клерку достаточно встать из-за стола и просунуть голову в дверь соседней комнаты, чтобы сделать запрос. Но в правительстве дела делаются не так. Кстати, у меня действитель-

но есть новость, – пожалуй, слишком небрежно продолжал Фрэнк.

«Ага! – подумала я. – Что бы это ни была за новость, его тетке она не понравится».

– Как я уже сообщил доктору Тиббету, сегодня мне сказали, что скоро меня пошлют в Санкт-Петербург, где я буду служить в посольстве.

– В Россию! – вскричала миссис Парри. Пурпурный шелк зашуршал, зеленые серьги в ушах запрыгали, на них отразился свет, как и на браслетах, когда она воздела вверх свои пухлые белые ручки. Ее жест мог бы показаться наигранным, если бы не было так очевидно, что ужас ее неподделен. – Не может быть! Там ужасный климат, там много месяцев лежит снег, в окрестностях полно волков, медведей и отчаянных казаков, вроде тех, кто резал наших солдат в Крыму. Крестьяне неотесанные и вечно пьяные, там распространены болезни... Как там можно жить?

Картертон склонился над теткой и принялся ее утешать:

– Я сделаю все возможное, чтобы не заболеть и не угодить в неприятности. Не волнуйтесь, тетя, я искренне полагаю, что устроюсь там неплохо. Санкт-Петербург – красивый город; там есть театры и устраиваются балы. С крестьянами я общаться не собираюсь, ну а русские дворяне – люди вполне цивилизованные. Мне сказали, что они там все до одного превосходно говорят по-французски.

Миссис Парри была безутешна. Хотя доктор Тиббет пы-

тался поддержать Фрэнка, она по-прежнему оплакивала судьбу племянника. Тут появился Симмс и объявил, что ужин подан. Доктор Тиббет предложил руку миссис Парри; волей-неволей мне пришлось принять руку, предложенную Фрэнком.

– Смешной старикашка, правда? – шепнул Фрэнк, кивая в спину Тиббету, который впереди нас вел к столу миссис Парри. – Ужинает у нас дважды в неделю, еще два дня играет в вист – и часто находит какой-то предлог, чтобы заехать в гости и в другие дни. Надеюсь, вы догадываетесь, что это значит?

– Он друг миссис Парри, – буркнула я, жалея, что он злословит, особенно теперь, когда нас легко могут подслушать.

– Да не бойтесь вы! – ответил мой спутник, словно прочитав мои мысли. – Старина Тиббет никогда не слышит никого, кроме самого себя. По-моему, он ухаживает за тетей Джулией. Желаю ему удачи!

Фрэнк хихикнул, а я совершенно не понимала, что в этом смешного.

– Когда вы уезжаете в Россию, мистер Картертон?

Мой спутник досадливо поморщился:

– Надеюсь, еще не скоро... Извините, если я вас обидел! Я надеялся, что вы окажетесь гораздо лучше Мэдди. Когда вы чуть не откусили Тиббету голову в ответ на его слова, мои надежды возросли. Пожалуйста, мисс Мартин, не разочаровывайте меня! – При этом он закатил глаза, скорчив шутов-

скую мину.

Его слова не развеселили, а заинтриговали меня. Кто такая Мэдди?

К сожалению, мой вопрос созрел, когда мы уже добрались до столовой. Пришлось его отложить для более подходящего момента.

Вскоре стало очевидно, что говорит за столом только один человек – доктор Тиббет. Звучным, гулким голосом он изложил нам свое мнение по всем злободневным вопросам. Фрэнк, однако, время от времени вставлял короткие замечания. Их оказалось как раз достаточно, чтобы доктор Тиббет не умолкал. Миссис Парри внимала каждому слову доктора богословия с восхищенным почтением. Вспомнив слова Фрэнка о том, что почтенный джентльмен ужинает здесь дважды в неделю и часто приезжает в гости, я приуныла. Поскольку миссис Парри выразила надежду, что я – хорошая собеседница, я воспользовалась первой предложенной мне возможностью, чтобы самой вступить в беседу, и спросила доктора Тиббета, находится ли его приход неподалеку отсюда.

Оказалось, что доктор Тиббет, хоть и был посвящен в духовный сан, никогда не был приходским священником – кроме краткого пребывания на посту викария в молодые годы. Почти всю жизнь он проработал школьным учителем и директором частной школы. Я решила, что он поступил разумно, ведь сделать карьеру на духовном поприще трудно, если у тебя нет влиятельного покровителя. Приходской свя-

щенник живет лишь на то, что жертвуют его прихожане. Часто его положение немногим лучше, чем положение бедной родственницы вроде меня. Зато директор в хорошей школе – пост почетный, требующий к себе уважения, да и жалованье вполне достойное. Вот где он научился так гладко и властно говорить! Даже к нам он обращался как к своим ученикам.

За то, что я посмела прервать его плавную речь, доктор решил поставить меня на место:

– Надеюсь, мисс Мартин, вы приспособитесь к порядкам этого дома и не обманете ожиданий миссис Парри.

– Постараюсь, – ответила я.

– Вам следует знать, – продолжал доктор Тиббет, бросив на меня свирепый взгляд, – что нашу дорогую хозяйку однажды уже постигло жестокое разочарование.

Я встревожилась и попыталась вспомнить, что же такого я натворила за свое недолгое пребывание в Лондоне. Чем я успела обидеть мою благодетельницу?

Фрэнк развеял мои страхи, пояснив:

– Доктор Тиббет имеет в виду не вас, мисс Мартин!

Миссис Парри ужасно сконфузилась. Она отложила в сторону вилку, с помощью которой увлеченно поглощала тюрбо, и с достоинством промокнула губы салфеткой.

– К сожалению, я еще не рассказывала мисс Мартин о постигшем меня ужасном огорчении. Решила, что лучше завтра...

– Вот как! – воскликнул доктор Тиббет, несколько не сму-

тившись своей бестактности. – Неприятные объяснения лучше не откладывать на потом.

– Д-да, в самом деле, – запинаясь, пробормотала миссис Парри.

Фрэнк решил вмешаться и объяснить мне, в чем дело. По выражению его лица я поняла, что самодовольство доктора Тиббета его изрядно раздражает.

– Видите ли, – обратился он ко мне, – никакой тайны здесь нет. И вообще не произошло ничего особенно страшного. Вот как было дело, мисс Мартин. До вас у тети Джулии была другая компаньонка. Ее звали Мэдди Хексем.

– Мисс Маделин Хексем, – раздраженно уточнил доктор Тиббет, видимо обидевшись на Фрэнка из-за того, что тот его перебил. – Молодая особа из провинции – откуда-то с севера, как и вы, мисс Мартин.

– У нее были превосходные рекомендации! – довольно театрально, на мой взгляд, воскликнула миссис Парри. – Она служила у приятельницы миссис Беллинг!

– Однако, – продолжал доктор Тиббет, не сводя с меня сурового взгляда, – она не привыкла к Лондону. Неумение приспособиться к жизни в большом городе и его соблазнам наложило на ее достойную сожаления слабохарактерность и, не скрою, лживость! Не сомневаюсь, свои превосходные рекомендации она также добыла обманным путем. Она все время притворялась, мадам! Притворялась!

– Суть дела в том, – громко перебил его Фрэнк, – что мисс

Хексем неожиданно пропала из дома, ни словом не обмолвившись, что уезжает. С тех пор ее никто не видел. Она ничего с собой не взяла, и вначале мы все подумали, что она стала жертвой несчастного случая. Мы сообщили о ее исчезновении в полицию. Не могу сказать, что полицейские очень старались разыскать ее... Однако вскоре оказалось, что нам вовсе не нужно было волноваться за нее...

– Она написала нам, – объяснила миссис Парри. – Дней через десять я получила от нее письмо. Не длинное, но вполне достаточное, чтобы... не скажу, что мы успокоились, но, во всяком случае, поняли, что произошло. Я очень удивилась. Хорошо, что она хотя бы разъяснила нам, почему она исчезла!

– Что же здесь хорошего, мадам? – возразил доктор Тиббет, злорадно потирая руки. – Она впала в грех и невоздержанность, вот что мы узнали из ее письма!

– Сбежала с мужчиной, – перевел Фрэнк.

– Она написала, что ей очень жаль доставлять мне неудобство, – с грустью произнесла миссис Парри. – Она не взяла с собой ни своих пожитков, ни платьев, поскольку, если бы кто-то увидел, как она выходит из дому с саквояжем, неизбежно последовали бы вопросы. В конце письма она просила меня распорядиться ее вещами, как я сочту нужным.

– Никакого понятия об ответственности, – с чувством произнес доктор Тиббет. – Распущенность нравов, мадам, распущенность нравов, весьма прискорбное, хотя и обычное

среди нынешней молодежи явление!

— Когда это случилось? — отважилась я спросить.

— Примерно шесть или восемь недель назад, — ответил Фрэнк. — Нет, пожалуй, с ее бегства прошло месяца два. Должен признаться, тогда я тоже очень удивился. Мэдди всегда казалась мне серой мышкой... Ну кто бы мог подумать?

— Притворщица! — отрезал доктор Тиббет.

Здесь разговор прервался, поскольку унесли остатки тюрбо и подали жареную телячью ногу. Когда разговор возобновился, все, словно сговорившись, решили больше не упоминать о моей предшественнице.

После ужина доктор Тиббет и Фрэнк Картертон удалились в библиотеку, чтобы выкурить там по сигаре, а мы с миссис Парри вернулись в гостиную. После дня на меня навалилась усталость; я изо всех сил старалась не уснуть.

Миссис Парри воспользовалась случаем и заговорила о возможном отъезде Фрэнка в Россию:

— Я, конечно, знала, что Фрэнка куда-нибудь пошлют. Но надеялась, что он поедет в какое-нибудь приятное место вроде Италии. Мы с мистером Парри ездили в Италию в свадебное путешествие. Там такой мягкий климат и такие красивые пейзажи... Я просто влюбилась в эту страну! Помню, мы жили на красивой вилле на берегу озера, окруженного горами. Время от времени над озером разыгрывались живописные грозы; тогда молнии разрывали небо от одной вершины до другой! Но Россия... Что он будет там делать? Подумать

только, всего лет десять назад мы сражались с русскими в ужасной войне на Черном море... Отец Фрэнка служил в кавалерии; он тоже мог бы получить назначение, если бы не застрелился за несколько лет до того!

Я понятия не имела, как утешить ее, но вскоре к нам присоединились мужчины, и я была избавлена от необходимости отвечать. Когда они вошли, мне показалось, что Фрэнк слегка покраснел и взволнован. Может быть, они поссорились? Если да, то ссора никак не повлияла на доктора Тиббета. Тот ловко взмахнул фалдами фрака, уселся в кресло и завладел разговором.

Нам пришлось выслушать его мнение о текущем положении англиканской церкви. По словам доктора Тиббета, нашу церковь со всех сторон окружают враги. Сторонники отделения церкви от государства сплачивают ряды; они просочились даже в парламент. Более того, сообщил доктор Тиббет, церковь подрывается растущим влиянием методистов снаружи и зловещими намерениями трактарианцев изнутри, не говоря уже о нападках дарвинистов и их пагубных теорий!

– Я читала книгу мистера Дарвина о происхождении видов, – звонко произнесла я, радуясь возможности показать себя хорошей собеседницей, и остановить на миг-другой безостановочную обличительную речь доктора Тиббета. От его гулкого, как из бочки, голоса у меня разболелась голова. Миссис Парри кивала, как автомат, а Фрэнк сидел, уставясь в потолок и время от времени что-то бормоча в знак согласия,

хотя он, скорее всего, понятия не имел, с чем соглашается. Я подозревала, что мысли его витают совершенно в другом месте.

Мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы – все ошеломленно молчали. Миссис Парри бросила на меня озадаченный взгляд. Фрэнк оторвал взгляд от потолка, поднял брови и широко улыбнулся. Доктор Тиббет сложил пальцы домиком и заявил:

– Порядочным девицам не следует читать такие книги!

– Мой отец купил ее незадолго до смерти. Более того, он читал ее в последний вечер своей жизни.

– Понятно! – воскликнул доктор Тиббет, как будто мои слова все объясняли.

В глазах Фрэнка заблестели веселые огоньки. Он откашлялся и сказал:

– В отличие от мисс Мартин, я этой книги не читал, но, насколько я понимаю, Дарвин и его последователи-натуралисты пришли к выводу, что сотворение мира, как оно описывается в Библии, – полный вздор. Мир не был создан за шесть дней, и до того, как мы с вами очутились на Земле, на ней существовали всевозможные странные и чудесные животные. Не так ли, мисс Мартин?

Доктор Тиббет набрал в грудь побольше воздуха и ответил:

– Лично я согласен с тем, что не всегда следует воспринимать слова Ветхого Завета буквально... Так, в нем гово-

рится о шести днях творения, хотя, возможно, в виду имеются шесть веков. Но чтобы Землю населяли чудовища? Мы должны отнести их большинство к тому же классу, что и русалки, водяные и гигантские морские змеи, о которых рассказывают невежественные моряки.

— И все-таки мир, должно быть, когда-то был совсем другим, — заметила я. — Говорят, там, где сейчас залегают угольные пласты, когда-то были огромные леса, и у меня есть кусочек сланца...

Закончить мне не позволили.

— Дорогая моя, — торжественно провозгласил доктор Тиббет, — подобные вещи можно объяснить Всемирным потопом, во время которого мир был уничтожен, а затем воссоздан. Вы заблуждаетесь, что происходит довольно часто с молодыми людьми, если книги вроде сочинения мистера Дарвина попадают в их руки! Мой вам совет, мисс Мартин, сегодня вечером, после того, как вы прочтете главу из Священного Писания, взять пристойный литературный труд, который облагораживает душу. По-моему, такие книги существуют.

— Джеймс Беллинг собрал целую коллекцию окаменелостей, — не сдавался Фрэнк. — За своими экспонатами он ездит в Дорсет и другие места. Надо сказать, в его коллекции попадаются довольно странные существа! В наши дни не существует ничего похожего на них... Дарвин, несомненно, в чем-то прав.

– Я не отрицаю существования окаменелостей, – снисходительно ответил доктор Тиббет. – Я и сам кое-что видел. Они весьма любопытны. Сомневаюсь я в том, что они настолько стары, насколько это утверждается. Даже по самым смелым подсчетам, наш мир не старше нескольких тысяч лет. Не могу я согласиться и с тем, что множество различных созданий произошли от одного предка. Возможно, молодой Беллинг и нашел останки каких-то неведомых существ. Скорее всего, они вымерли во время Всемирного потопа.

– Остается лишь гадать, кем были наши предки... – начал Фрэнк, но закончить ему тоже не дали.

Доктор Тиббет, который до сих пор возражал вполне разумно и спокойно, вдруг побагровел и разразился целой тирадой:

– Не позволю произносить подобные вещи! Человек должен быть венцом творения. Немыслимо, чтобы он был животным, как... как обезьяна! Если бы человек в самом деле произошел от обезьяны, он бы не мог ничего создать! А как же музыка, искусство, литература и философия? Неужели вы считаете все великие мировые цивилизации результатом простой случайности?! Разве обезьяны построили пирамиды? Разве обезьяны способствовали возвышению Рима? Разве шимпанзе записала бессмертные слова Гомера? Разные виды животных и рыб приходили и уходили, но человек всегда обладал превосходящим интеллектом и способностями. Только человек обладает бессмертной душой! Только че-

ловек обладает способностью представлять себе то, что лежит за пределами его повседневного опыта. Зверь на такое не способен!

— Что ж, сэр, я не отрицаю, что и сам пока не понимаю всего. — Фрэнк явно пошел на попятный, заметив маниакальный блеск в глазах доктора Тиббета. — Представление о том, что наши предки ходили на четвереньках, были покрыты шерстью, не умели говорить и — простите меня, дамы, — ходили без клочка одежды, в самом деле кажется мне чуточку натянутым.

— Натянутым?! — загремел доктор Тиббет. — Это слишком мягко сказано, сэр! Если как-то и можно назвать такие, с позволения сказать, теории, то только вздором!

— Дорогой доктор, — вмешалась наша хозяйка, — успеем ли мы до вашего ухода сыграть в вист?

Я заметила, что во время нашего спора она все больше беспокоилась. Дарвинизм для нее интереса не представлял; напрасно уходило драгоценное время, которое можно было посвятить ее любимому занятию.

Оказалось, что мы еще успеваем сыграть роббер. Фрэнк разложил карточный стол, и, хотя я не была опытной картежницей, усталость немного отпустила меня. Ко мне пришло «второе дыхание». Я радовалась, что не слишком оплошала.

Остаток вечера прошел довольно весело. Даже доктор Тиббет успокоился, держался не так официально, хотя один или два раза я поймала на себе его пристальный взгляд. Он

смотрел на меня не враждебно и не дружелюбно, но откровенно безразлично. Мне показалось, что он наклеил на меня какой-то ярлык. Хотя доктор Тиббет и не являлся сторонником теории Дарвина, у него имелись собственные суждения о людях в целом – о мужчинах и женщинах.

Гость покинул дом около одиннадцати. Фрэнк спустился проводить его, но почти сразу вернулся. Он с мрачным видом плюхнулся на стул, стоящий у карточного стола, и, подбирая карты наугад, начал раскладывать их скрупулезно ровными рядами – непонятно зачем. Миссис Парри уже поднялась к себе в комнату, где ее терпеливо дожидалась Ньюджент, готовая раздеть хозяйку и разобрать ее причудливую прическу.

Это значило, что я тоже могу идти спать. Я открыла было рот, чтобы пожелать Фрэнку спокойной ночи, но он не поднимал головы и как будто забыл о том, что я еще здесь. Я решила уйти незаметно.

Неожиданно Картертон заговорил:

– Подождите! Вам нужна будет свеча. – Он встал, взял свечу со стоящего рядом вспомогательного столика, зажег ее от газового рожка и протянул мне.

Я поблагодарила его, но он ответил лишь кивком.

– Спокойной ночи! – добавила я.

Он приглушенно буркнул в ответ «спокойной ночи».

Когда я поднималась по лестнице, пламя моей свечи задрожало на сквозняке, и я поняла, что входная дверь до сих

пор открыта. Я перегнулась через перила, чтобы выяснить, в чем дело. Оказывается, доктор Тиббет еще не ушел. Он разговаривал с Симмсом. Но разговор закончился в тот миг, когда я посмотрела вниз. Симмс отдал гостью шляпу и трость. Видимо, Тиббет почувствовал на себе мой взгляд, потому что вскинул голову и уставился на меня в упор. Я механически отступила, спрятавшись за статую мальчика в тюрбане, и смутилась: доктор, наверное, решит, что я за ним шпионю.

Я поднялась к себе в комнату, раздосадованная этим глупым маленьким происшествием. Правда, мне в самом деле стало интересно, о чем доктор Тиббет беседовал с Симмсом.

Я буквально валилась с ног от усталости. И все же в голове теснились разные мысли, и их невозможно было прогнать. Я самостоятельно переоделась в ночную сорочку и вынула из прически шпильки.

На моем этаже нигде не было видно газовых рожков. Видимо, модные нововведения были предназначены лишь для парадных комнат. Я села за туалетный столик в стиле рококо и начала причесываться – долго и методично, как меня когда-то научила гувернантка мадам Леблан. Янтарное пламя свечи успокаивало и казалось мне гораздо приятнее, чем резкий газовый свет и шипение рожка.

В углах комнаты залегли глубокие тени, похожие на черные бархатные вуали. Совсем нетрудно было представить, что кто-то прячется там и смотрит на меня. Я подумала о Маделин Хексем, чье имя всплыло за ужином как будто неча-

янно. Мне показалось, что никому не хочется вспоминать о ней... Я огляделась по сторонам. Скорее всего, меня поселили в комнату моей предшественницы. Именно здесь она решила бежать со своим таинственным возлюбленным. Интересно, кто он и где Маделин с ним познакомилась? Долго ли она прожила в доме миссис Парри до того, как внезапно его покинула? Может быть, в библиотеке Тиббет и Фрэнк Картертон говорили именно о ней и доктор Тиббет сделал Фрэнку выговор, после которого вернулся в гостиную красный как рак? Интересно, почему он не дождался внизу ухода Тиббета? Воспоминания о мисс Хексем явно взволновали всех. Мне стало не по себе. Возможно, моя предшественница приехала сюда исполненная такой же благодарности, как и я, потому что ей предложили место компаньонки. Может быть, она оставила свои скромные пожитки в холле, как и я, и тоже следом за Симмсом поднималась по лестнице, гадая, какое будущее ее ждет. Означают ли обстоятельства исчезновения прежней компаньонки, что она не была здесь счастлива? Миссис Парри как будто очень добра, но Маделин ей не доверилась.

Я решила попозже расспросить о ней Фрэнка. Мне показалось, что он, когда не дуется, не прочь посплетничать.

Как бы там ни было, прошлые события имели для меня одно важное последствие. После внезапного бегства Маделин миссис Парри неожиданно осталась без компаньонки и, узнав о моем бедственном положении, наверное, решила,

что ее предложение для меня – настоящий подарок судьбы. Нет, доброта ее не умахалась оттого, что она приняла меня к себе. Но, с другой стороны, груз благодарности стал чуточку легче. Мне гораздо больше нравился честный обмен.

Наконец, мои мысли снова обратились к Фрэнку Картертону. О нем у меня сложилось смешанное впечатление. Если он сам был к кому-то расположен, он мог быть весьма обаятельным и занимательным. Кроме того, он не был лишен чувства юмора и любил проказничать. Неужели он прав и доктор Тиббет имеет виды на мою хозяйку? А что, вполне возможно. Миссис Парри – симпатичная и состоятельная вдова. Доктор богословия, к тому же бывший директор школы, должен занимать в ее табели о рангах вполне приличное место. Не потому ли Фрэнк с таким воодушевлением говорит об отъезде в Россию? Может, он не хочет дожидаться здесь того дня, когда придется величать доктора Тиббета «дядюшкой»?

Я с облегчением положила на стол щетку и встала, чтобы лечь в постель. Свечу я погасила, и в комнате воцарилась тьма, однако не такая крошечная, как у нас дома в Дербишире. Скоро мои глаза привыкли к темноте, и оказалось, что я отчетливо вижу очертания предметов мебели. В окна проник мертвенный свет уличных газовых фонарей, расставленных на площади через равные промежутки. Как я уже узнала, комната миссис Парри располагалась в противоположной части дома, и ее окна выходили на крохотный, размером с

носовой платок, садик. Мне же, бедной компаньонке, придется с самого раннего утра терпеть шум. И пусть мое окно выходит на площадь, где растут трава и деревья, их не видно из-за многочисленных пешеходов и экипажей. Я чуть отодвинула штору и посмотрела в окно. Сейчас площадь была пустынна; в ядовитом желтом свете газового фонаря отчетливо виднелись булыжники мостовой.

Вдруг внизу захлопнулась дверь, и я увидела, как из дома выходит человек. Он изящно набросил на плечи плащ и быстро зашагал прочь, покачивая прочной тростью.

Фрэнк Картертон, исполнив свой долг почтительного племянника, решил потешить уязвленное самолюбие и отправился в город на поиски приключений.

Глава 3

Инспектор Бенджамин Росс

– Прошу вас сюда, сэр, – хрипло произнес сержант Моррис.

Мы пробирались между грудями булыжника, в некоторых местах достигавших высоты терриконов². Дороги здесь никогда не мостили, и со временем в земле образовались глубокие борозды и рытвины со стенками, окаменевшими за долго до теперешнего натиска на Агартан, один из трущобных лондонских кварталов, от этого квартал выглядел разрушенным и покинутым, словно его постигло какое-то библейское проклятие.

Кругом все было засыпано битым кирпичом; приходилось все время смотреть себе под ноги. Земля между кучами строительного мусора с торчащими из них балками, похожими на мачты разбитого корабля, была изрыта колесами многочисленных повозок. Нам то и дело приходилось огибать дурно пахнущие ямы, на месте которых раньше были уборные и сточные канавы. Я отшвырнул ногой мумифицированный труп крысы. Рядом валялись разложившиеся останки

² Т е р р и к о н – конусообразный ствол пустой породы на руднике.

еще одного зверька, в котором копошились белые личинки.

Было прохладно, но дождей не было несколько дней; к тому же утром поднялся ветер. В воздухе носились тучи пыли. Пыль попадала нам в нос и рот; закашлявшись, мы достали платки и стали дышать через них. Даже костлявые бока жалких кляч, впряженных в подводы, покрывал слой розовато-серой пыли. В таком виде несчастные животные напомнили мне призрачных коней Апокалипсиса.

Как только мы проходили мимо очередного завала, рабочие продолжали деловито разбирать каркасы домов, демонтировали окна и двери, разбивали кирпичную кладку. Двое или трое чернорабочих, забравшись на второй этаж, колотили по фасаду кувалдами. На землю летели огромные куски кирпичной кладки, скрепленной раствором. После каждого удара в воздух поднимались кирпично-серые облака; работавшие наверху люди вскоре и сами стали кирпично-серого цвета. Они напомнили мне шахтеров, которых я насмотрелся в детстве; те тоже вечно ходили чумазы от угольной пыли. И я подумал, что, наверное, потом здешние рабочие тоже будут мучиться от болезней легких, которые свели в могилу многих шахтеров, в том числе и моего бедного отца.

Заметив Морриса и меня, работавшие наверху парни предупредили своих товарищей громкими криками, и снос дома на время прекратился. У полуразрушенного дома, сжимая в мозолистых руках лопаты и ломы, неподвижно стояли люди, похожие на серые статуи. Они прекратили разбивать сбро-

шенные сверху куски кладки, облокажились на свои инструменты и с мрачным видом смотрели нам вслед. Один рабочий в шерстяной кепке, весь серый от пыли, отвернулся и сплюнул. Я удивился тому, что у него во рту еще осталась слюна.

– Ее нельзя было увозить, – буркнул я, злясь больше на себя, чем на беднягу Морриса. Я уже успел выместить на нем свою досаду. Кроме того, ему с раннего утра пришлось терпеть мрачное недовольство рабочих и откровенную враждебность владельцев.

– Да, сэр, я все понимаю. Но десятник, по-моему, продувная бестия, и еще один хлыщ из железнодорожной компании подняли настоящий скандал... прошу прощения, конечно. Рабочие осыпали нас оскорблениями... Двум констеблям никак было не справиться с ними.

Сержант еще не закончил говорить, а впереди уже показалась фигура констебля. Совсем мальчишка, явно напуганный. Он вздохнул с облегчением, узнав Морриса, но потом, увидев меня, снова помрачнел.

– Биддл, – представил его Моррис. – Хороший парень, но служит в полиции совсем недолго.

Я подумал, что Биддл выглядит моложе своих восемнадцати лет – минимального возраста, начиная с которого можно записываться в полицию. Особенно жалкий вид придавал ему высокий шлем, недавно заменивший привычные котелки, какие раньше носили полицейские. Новые головные убо-

ры до сих пор привлекали к себе повышенное внимание. Откровенно говоря, шлем сидел на круглом черепе Биддла так непрочно, что его без труда можно было сбить из рогатки.

Вид молодого констебля поразил и Морриса.

– Не знаю, сэр, насчет этих шлемов, – сказал он мне вполголоса. – Помню, прежние котелки сваливались, едва начнешь что-то делать, и жарко в них было, как в печке, если погода была теплая. Но в них мы хотя бы чувствовали себя людьми. – Повысив голос, он осведомился: – Биддл, где Дженкинс?

– Вон он, сержант, спорит с десятником. По-моему, вернулся и джентльмен из железнодорожной компании. Очень они недовольны, что работы пришлось приостановить. Ведь покойницу-то уже увезли!

– Вот как, недовольны, значит? – язвительно спросил я и добавил, стараясь говорить более невозмутимо: – Значит, это и есть место преступления?

В конце концов, злосчастный Биддл был так же не виноват в случившемся, как и Моррис. Порозовев от смущения, вспотевший в своем застегнутом на все пуговицы мундире, Биддл поправил криво сидевший на голове шлем и серьезно ответил:

– Сэр, сюда никто не ходил. Мы с Дженкинсом все время караулили это место.

Хотя ближнюю к нам часть улицы уже расчистили, последние три дома в ряду еще стояли, кренясь друг на друга,

как трое пьяниц. Было очевидно, что стоит задеть один из них – и рухнут все. Труп нашли рабочие, которые перед сном решили осмотреть первый из трех домов.

Жалкие узкие домишки сооружали кое-как, из самых дешевых и негодных стройматериалов. Здесь жили бедняки, у подрядчиков была единственная цель – собственная нажива. Я только что видел, как эти дома рушились под ударами кувалд, словно игрушечные, построенные из деревянных кирпичиков. На этом месте находится – или, вернее, находился – печально знаменитый Агартаун. Здесь целые семьи ютились в одной комнате, а в самых безнадежных случаях единственную комнату приходилось делить на несколько семей. Удобств никаких не было; жильцы ходили в общие уборные, точнее, выгребные ямы на задних дворах; некоторые там же разводили свиней, которые пожирали отходы из вечно переполненных сточных канав. Свинья в таких условиях – полезное животное; она способна сожрать что угодно. Я заметил уцелевшую колонку, из которой обитатели Агартауна брали воду, и понадеялся, что рабочие не поддались искушению и не стали ее пить. Холера – частая гостья в трущобах. В газетах писали, что новая дренажная система мистера Базалгетта избавит Лондон от этой напасти, хотя в тех же самых газетах сообщалось о многочисленных новых вспышках холеры в Ист-Энде.

Кроме того, в трущобах свирепствовали тиф, дифтерия, туберкулез и прочие хвори, которые поражают преимуще-

ственно бедняков, потерявших всякую надежду. В таких условиях долго не живут. Мужчины, если повезет, дотягивают до сорока, женщины часто умирают еще раньше. Особенно высока детская смертность; те дети, которые все же выживают, выходят из своих жалких лачуг изуродованными, бледными, как привидения. К десяти годам здешние дети напоминают маленьких старичков и старушек. Я знаю не одно такое место и хорошо знал Агартаун. Что мешает совершить преступление тому, кто голодает и кому нечего терять?

Наверное, снос Агартауна из-за постройки нового железнодорожного вокзала даже можно считать своего рода благодеянием. Впрочем, проблемы бедняков снос не решает; они просто переместятся в другие трущобные кварталы.

– Осторожнее, сэр, – предупредил Моррис, шагавший впереди. – Эта стенка очень непрочная. Смотрите, не облокачивайтесь на нее, иначе она рухнет нам на головы. Вот еще почему десятник так спешил убрать отсюда тело. Он сказал так: «Учтите, я не буду виноват, если к тому времени, как сюда доберется ваш инспектор, дом рухнет и надежно похоронит вашу покойницу!» Я, сэр, конечно, немножко облагородил его слова. И все же в чем-то он прав. Лучше нам поспешить!

– Ладно, ладно! – в досаде ответил я. Я и сам видел, насколько непрочны здешние развалины. – Вы допросили рабочих, которые ее нашли?

– Да, сэр, я записал их показания, и они приложили к ним

пальцы. Они ирландцы; пока рассказывали, то и дело крестились и выражали надежду, что бедняжка упокоится с миром.

Мы вошли в тесный коридор, в котором воняло плесенью и несколькими поколениями невымытых тел. Казалось, болезнетворные миазмы источают сами стены. Одним словом, здесь пахло бедностью. Бедность и нищета обладают собственным запахом. Я почувствовал, как этот запах забивается мне в ноздри, и снова достал платок.

– Пованивает, да? – добродушно заметил Моррис, заметив мой жест.

Я устыдился своей слабости и убрал платок.

Мы дошли до комнаты в тыльной части бывшего дома. К прежним запахам здесь добавился еще один – отвратительный сладковатый запах гниения и смерти.

Труп увезли, но этот запах останется здесь до тех пор, пока не снесут дом. Я огляделся по сторонам, пытаясь представить, как здесь жили люди. Кто-то, возможно в попытке избавиться от сквозняков, оклеил стены старыми газетами. Рекламные объявления, предлагавшие посетить выставку картин некоей «почтенной художницы», пользоваться «отличным импортным французским мылом» и покупать антикварные книги, обнаруживали страшный контраст здешней жизни с другим, благополучным миром, в котором не знали нищеты, голода и отчаяния. Голые доски пола частично сгнили; всю мебель вывезли, остался лишь сломанный каркас кровати у стены.

– Вон там она и лежала, – пояснил Моррис, указывая рукой на место, где нашли несчастную. – Ее затолкали под кровать, но целиком она не поместилась, вот и прикрыли ей ноги куском старого ковра. Но ее было видно сразу, как войдешь... Рабочие, что нашли ее, сразу поняли, что перед ними труп, и позвали десятника. Десятник уверяет, что он тотчас же приказал всем прекратить работу. По его словам, пока тело лежало здесь, никто не вынес из дому ни одного обломка кирпича. Десятник больше всего боялся, что железнодорожная компания обвинит его в срыве работ, и просил меня поскорее убрать тело. Я объяснил ему, что по закону труп вначале должен осмотреть инспектор. Тогда десятник велел пригласить сюда представителя железнодорожной компании, а тот в свою очередь сообщил обо всем своему начальству. В конце концов весть дошла до нашего суперинтендента, и он приказал увезти ее в ближайшую покойницкую. Но я успел обрисовать мелом ее контуры. Вон, видите – там она лежала!

Моррис горделиво показал меловые линии на половицах у кровати.

– Я тут хорошенько все осмотрел, Биддл и Дженкинс тоже. Мы и навверх поднимались, конечно, но не нашли ничего интересного.

Я понял, что Моррис делал все, что мог, чтобы не дать увезти тело, но в конце концов дельцы из железнодорожной компании подключили свои связи навверху. Если работы

по сносу домов и расчистке места для строительства нового вокзала не могут продолжаться, пока тело *in situ, ergo*³, труп нужно убрать. Теперь он лежит в покойницкой; значит, туда мы и отправимся, когда я осмотрю то место, где его обнаружили. Вот видите, я еще помню кое-что из латыни. Я человек честолюбивый и усердно учился. Ночами занимался при свечах, восполняя пробелы в образовании, и теперь я – инспектор столичной полиции, которая базируется в Скотленд-Ярде. Но по утрам, бреясь и глядя на себя в зеркало, я часто говорю себе вслух:

– Бен Росс, ты никого не обманешь. Шахтерским сыном был, шахтерским сыном и останешься.

Я посмотрел на пыльный пол и вздохнул. Да, Моррис, как мог, пытался сохранить хоть улики, но... Сначала рабочие, нашедшие тело, затоптали здесь все сапогами. После них в комнате потоптался констебль, которого первым позвали на место преступления, а за ним – Моррис и его помощники. Если здесь что-то и было, все улики давным-давно уничтожены.

Снаружи послышался крик. В пустом доме гулко загревели чьи-то тяжелые шаги. В комнату вошел Биддл с раскрасневшимся, вспотевшим лицом. Его шлем снова съехал набок.

– Сэр, там пришли... представитель железнодорожной компании, а с ним десятник.

³ На месте, следовательно (*лат.*).

Я нисколько не сожалел, что нашелся предлог выбраться из этого тесного обиталища смерти. Но не забыл похвалить Морриса.

— Молодец! — сказал я, потому что, учитывая сложные обстоятельства, он действительно все сделал как надо.

Моррис вздохнул с облегчением. Когда мы двинулись к выходу, он хрипло прошептал:

— Одежда на ней была хорошая, сэр, не какие-нибудь лохмотья. Кем бы она ни была, она не из здешних.

Мы вышли на улицу, и мне показалось, будто я выбрался из могилы.

Меня поджидали двое. Десятника я вычислил сразу — мужчина крепкого телосложения с красным носом, явно не дурак выпить. На лице его застыло нарочито туповатое, ошеломленное выражение. Я сразу все понял. Помогать полиции десятник не собирался. И скорее всего, не потому, что ему было что скрывать, а просто потому, что он, как и все, кто здесь работал, относились к нам с неприязнью, причем еще до того, как мы, по его мнению, создали им неприятности. Иногда я задумываюсь над этой проблемой и никак не могу понять, почему население в целом так настроено против нас. Бедняки уверяют, что мы к ним пристаем. Богатые заявляют, что мы якобы плохо выполняем свой долг. Ну а подавляющее большинство, которое находится между двумя этими полюсами, видит в нас дополнительный источник расходов и лишнее бремя для честных граждан.

Кстати, о честных гражданах... Я переключил внимание на представителя железнодорожной компании, бледнолицего молодого человека в сюртуке и овальных очках, который наверняка считал себя законопослушным гражданином. На его лице отражались досада и высокомерие. В одной руке он держал цилиндр, а другой вытирал лоб большим крапчатым платком. Правда, увидев меня, платок он убрал.

– Флетчер, – сухо представился он. – Представитель заказчика – железнодорожной компании.

– Инспектор Росс, – ответил я. – Представитель Скотленд-Ярда.

Флетчер бросил на меня подозрительный взгляд, словно желая удостовериться, что я над ним не издеваюсь. Солнце сверкнуло на овальных линзах его очков. Но на моем лице он прочел лишь то, что я собирался до него донести: его полномочия не имеют большего веса, чем мои.

– Ясно, – сказал он. – Надеюсь, инспектор, теперь, после того как вы осмотрели место, где нашли несчастную женщину, нам позволят возобновить работы? Сами понимаете, время – деньги.

– А смерть всегда наступает не вовремя, – возразил я.

На сей раз он не удостоил меня взглядом. Перед тем как возразить, он поджал губы.

– Вы сами видите, сколь непрочны здешние строения. Мы должны как можно скорее снести их, иначе они рухнут сами, и люди могут покалечиться, а то и убиты.

Хотя Флетчер рассуждал здраво, я сделал вид, что не слышал его слов, и повернулся к десятнику:

– Как ваша фамилия?

– Адамс, сэр, – ответил десятник, мерно двигая челюстями. Скорее всего, он жевал табак. Передвинув свою жвачку языком за щеку, он по-бычьему уставился на меня.

– Кто и когда последним входил в этот дом до утра, когда двое рабочих обнаружили в задней комнате мертвую женщину?

– Откуда мне знать? – ответил десятник. – До того, как мы начали сносить этот ряд домов, внутрь никто не входил. Да и зачем? Оттуда еще несколько недель назад все вывезли.

– А когда вы начали сносить этот ряд домов?

– Два дня назад. Все шло как по маслу... Никаких хлопот, пока мы не добрались до этого дома и не нашли ее.

– Рабочие суеверны, – раздраженно вставил Флетчер. – Как только распространился слух, что в одном из домов нашли труп, все тут же побросали инструменты!

Неожиданно Адамс возразил начальнику:

– Смерть требует к себе уважения, сэр. Никто не хотел работать как ни в чем не бывало, пока она там.

Про себя я заметил: рабочие наверняка испугались, что кого-нибудь из них обвинят в убийстве, и сомкнули ряды.

– Значит, ее нашли рабочие. Они послали за вами, а вы – за полицией, так? – уточнил я, не желая показывать Адамсу, что на меня тоже неприятно подействовала здешняя обста-

новка.

– Вот именно, – согласился Адамс. – И с тех пор ваш парень никого не подпускает к дому... Вон тот, с миской для пудинга на башке. – Он кивнул в сторону бедного Биддла. Несмотря на внешнее презрение, его как будто невозмутимое лицо выдавало настороженность. Мы с десятником словно вели дуэль или шахматную партию.

– Вскоре о случившемся доложили мне, – снова вмешался Флетчер, решивший во что бы то ни стало изложить мне свою версию событий, и не догадываясь о моем поединке с десятником. – Я сразу же поспешил на место происшествия. Уверяю вас, никто не сдвинул с места даже кирпича! Отсюда не уехала ни одна подвода! Я сразу понял, что покойницу необходимо как можно скорее убрать, и доложил по начальству. Помимо всего прочего, – продолжал он, видимо сообразив, что мне безразличны срывы графика, – тело необходимо было убрать еще и для того, чтобы сохранить его до вашего осмотра. Оно было в таком состоянии...

– Все это я уже слышал! – перебил его я, устав от повторения одного и того же рассказа.

Моррис, Адамс, Флетчер и все остальные, у кого найдется что сказать, будут петь одну и ту же песню. Главное же – труп увезли. Я ничего не мог с этим поделать, и они это знали.

– Что ж, можете возобновлять работу, – нехотя разрешил я.

Флетчер вздохнул с облегчением и достал из кармана ча-

сы, чтобы проверить, сколько времени они потеряли. Адамс развернулся и побежал прочь – как я понял, созывать рабочих. Мне показалось, он рад, что избавился от меня.

– А как же Биддл и Дженкинс, сэр? – спросил Моррис.

– Пусть допросят всех, кто здесь работает, начиная с мистера Флетчера и Адамса. Я хочу выяснить, в какой последовательности проходит снос домов.

– Сэр, но их здесь несколько сотен! – не выдержал Биддл, указывая на рабочих вокруг нас.

– Постараюсь прислать вам в помощь всех свободных констеблей.

Лица у Биддла и Дженкинса вытянулись и помрачнели.

– Ну а мы с вами, сержант, отправляемся в покойницкую. Коронер приказал, чтобы вскрытие производил полицейский врач.

Биддл и Дженкинс тут же воспрянули духом и радостно переглянулись. Уж лучше допрашивать рабочих на стройке, чем присутствовать при вскрытии!

Я не в первый раз видел покойника, но редко когда смерть так задевала меня за живое. Один раз, очень давно, еще в детстве, я испытывал нечто подобное. Теперь я страж закона; считается, что сотрудники полиции успели закалиться и повидать все, на что способны наши собратья. И все же Морриса, несмотря на его многолетний опыт, открывшееся нам зрелище тоже опечалило; он мрачно покачал лохматой голо-

вой.

Доктор Кармайкл стоял сбоку от стола и терпеливо дожидался, пока мы закончим осмотр и ему можно будет приступить к своей работе, внушавшей мне суеверный страх. И я вдруг порадовался, что хотя бы один из нас демонстрировал надлежащее хладнокровие. Доктор Кармайкл, высокий, угловатый, смотрел на мир пронизательными синими глазами. Как и любой практикующий врач, приступая к работе, он переодевался в старый сюртук, весь в пятнах запекшейся крови и внутренностей. То был его анатомический костюм; он облачался в него, когда выполнял свой профессиональный долг. Я подумал, что перед уходом он каждый день переодевается во все чистое и ни один прохожий на улице не догадывается, чем только что занимался прилично одетый джентльмен.

Я читал про какого-то медика из Глазго, который объявил, что добивается поразительных успехов в своей операционной, потому что поливает все и вся, включая и несчастных, лежащих на операционном столе, раствором карболовой кислоты. Названный медик считает, что инфекцию распространяют некие организмы, не видные невооруженным глазом. Насколько я понимаю, впервые о существовании этих организмов написал какой-то француз. Но бесстрашный Кармайкл принадлежал к старому поколению; трудно себе представить, чтобы он перед работой проделывал подобные манипуляции. Кроме того, его пациентам никакое

заражение не грозило.

Труп привезли в ближайшую к месту преступления прозекторскую, устроенную в обшарпанной пристройке на задах похоронной конторы. Бренные останки почтенных клиентов похоронщика лежали в более приличной обстановке за стеной.

Наша неизвестная покоилась на выщербленном фарфоровом лотке, как можно дальше от входа, чтобы ее ни в каком случае не заметили родственники, пришедшие навестить своих усопших. Ее раздели донага, и оказалось, что она совсем крошечная, хотя и вполне взрослая женщина. Росту в ней не было и пяти футов, хрупкого телосложения. Кожа у нее была словно мраморная – бывает такой разноцветный мрамор с багровыми, розовыми и красными прожилками; издали кажется, будто ее накрыли странным, безумным лоскутным одеялом. и лишь на животе кожа приобрела серо-зеленый цвет. На левом виске покойницы зияла глубокая рана, а лицо было настолько обезображено, что уже никто не мог сказать, какой она была при жизни – хорошенькой или дурнушкой. Длинные льняные волосы, не тронутые тлением, окружали лицо, вернее, то, что от него осталось, своеобразным ореолом. Из-за приоткрытых губ влажно поблескивали мелкие, но ровные и с виду здоровые зубы. Я сразу обратил внимание на ее руки. Обручального кольца она не носила, но его могли украсть или снять, чтобы помешать опознанию. На обручальных кольцах иногда гравировуют инициалы. Хотя

сами пальцы уже начали разлагаться, но было видно, что на них нет мозолей и они чистые, так же как и ногти, следовательно, она не занималась тяжелым физическим трудом.

– Сколько ей лет? – спросил я у Кармайкла.

– По моим подсчетам, двадцать четыре – двадцать шесть, – ответил он.

Мы отчего-то переговаривались тихо, как в церкви.

– Давно ли она умерла?

Доктор пожал плечами:

– Учитывая обстоятельства, трудно сказать. Больше недели, но меньше двух... Скажем, недели две назад, не больше.

– Как по-вашему, это послужило причиной смерти? – Я показал на рану на голове, откуда торчали осколки черепа.

– Для такого вывода вам даже врач не требуется, – отозвался Кармайкл, как всегда, сухо и скупое. – Сомневаюсь, что внутренние органы сохранены и способны о чем-то свидетельствовать. Я, конечно, произведу тщательное вскрытие, как полагается. Но ранение головы, по-моему, само по себе достаточно веское основание для смерти. Ее сильно ударили каким-то тяжелым предметом.

– Сэр, мы не нашли на месте преступления никакого оружия, – вмешался сержант Моррис, – хотя я распорядился все тщательно обыскать!

Сержант умудрился затиснуться в самый дальний угол прозекторской и все же считал, что находится слишком близко к покойнице. Иногда Моррис выказывал удивительную

щепетильность, которую не ждешь от такого старого служаки. Я и раньше замечал за ним некоторые странности. Так, Моррис был неподдельно огорчен, и не только из-за плачевного вида неизвестной, его терзали мысли о том, что скоро над юным женским телом надругаются грубые мужские руки. Уныние выражали не только его поза и лицо, но даже складки мундира.

– На стройке полным-полно подходящих предметов, – возразил я. – У каждого рабочего имеется лопата или кирка.

Кармайкл откашлялся и сказал:

– По-моему, ее убили не лопатой и не киркой... Я осмотрел края раны при помощи увеличительного стекла и считаю, что убийца ударил ее чем-то длинным и довольно узким. – Он достал из кармана увеличительное стекло и протянул мне: – Вот, судите сами.

Моррис собрался с силами и, заставив себя забыть о природных инстинктах, шагнул вперед, чтобы вместе со мной получше взглянуть на тело. Получив конкретное задание, он сразу переставал видеть в жертве человека. Теперь перед ним была головоломка, которую необходимо разгадать.

– Может, кочергой? – громко предположил он после того, как мы оба осмотрели рану через лупу.

– Нет, кочерга слишком узкая... Скорее, прогулочная трость или палка с металлическим наконечником, – высказался я.

Кармайкл, стоящий у меня за спиной, заметил:

– Удар был нанесен со значительной силой. Злоумышленник хотел именно убить ее. Я нашел на теле отчетливые следы по меньшей мере пяти ударов.

– Он злился, – вполголоса предположил я. – Может быть, ревновал.

– Что касается его мотивов – ничем вам помочь не могу, – отозвался Кармайкл. – Я имею дело только с результатами.

– Согласен, доктор. А вы что скажете, Моррис? Он стоял перед ней, вот так... – Я поднял руку. – И ударил ее вот так... – Я опустил руку, но остановился, не дойдя до тела. – Он правша, как и подавляющее большинство населения... Где ее одежда?

Кармайкл, бесстрастно наблюдавший за моими действиями, кивком указал в дальний угол комнаты.

– Вон она.

Снятую с убитой одежду аккуратно сложили на столе. Первое предположение Морриса оказалось верным. Я увидел бледно-лиловое поплиновое платье в полоску – жительницы Агартуна в таких не ходят. Помимо платья, на жертве были нижняя юбка, корсет, ситцевая сорочка, панталоны, чулки, лайковые ботинки. Все вещи добротные – и все представляли для меня загадку. Все в грязи, но грязь поверхностная. Одежда выглядит не так, словно ее редко стирали или не стирали вообще; тогда грязь и копоть въелись бы в нее. Верхняя одежда, то есть поплиновое платье, оказалась самой грязной, запачканной землей и чем-то зеленоватым.

Вглядевшись, я понял, что на платье пятна плесени. Видимо, плесень испачкала платье, когда женщина прижалась к сырой стене... Материя была прочной и почти новой... Нижнее белье в основном оказалось довольно чистым, разве что сорочка пропотела. Панталоны запачканы – но, скорее всего, это произошло уже после смерти несчастной.

Я повертел в руках лайковые ботиночки – какие крошечные! Подметки оказались целыми. Зато верхняя часть хорошо обмялась по ноге – значит, обувь не новая. Ботинки тоже добротные, не дешевые, но служили своей хозяйке довольно долго. Они, да еще скромный фасон платья, наводили на мысль, что покойница не принадлежала к числу девушек легкого поведения, которые шляются по улицам в поисках клиента. Судя по всему, ей нечасто приходилось бродить по булыжной мостовой; лишь иногда она выбиралась в лавку, в церковь или в гости к соседям.

– Ни чепца, ни шляпки, – заметил я, обращаясь к Моррису. – И шали тоже нет. А все же, судя по ее платью, она не из бедных. Правда, и не из богатых тоже... Скорее всего, она была девушкой порядочной, но не знатной.

– Кто нашел ее? – спросил Кармайкл. Узнав, что ее нашли рабочие, он высказал свое мнение: – Наверное, они вначале сняли с нее шляпку, шаль и взяли кошелек – все, что потом можно будет перепродать. И только потом подняли тревогу.

Неожиданно Моррис вступился за рабочих:

– Сэр, они оба показались мне слишком расстроенными,

чтобы думать о таком!

– Что бы ни случилось, – сказал я, – нам приходится иметь дело только с тем, что мы видим своими глазами. Факты говорят, что перед нами молодая женщина, которая обычно следила за своим внешним видом. Чулки аккуратно заштопаны, хотя есть дырочка на пальце. По-моему, сержант, она умерла не в той комнате, где ее нашли. Она нашла свою смерть в другом месте, возможно, неподалеку, а потом труп перетащили в дом. Она хрупкого телосложения. На стройке повсюду есть тачки и тележки. Наверное, нетрудно было погрузить тело в тачку и перевезти...

– Сэр, кто-нибудь наверняка что-то видел.

– Ночью? Вряд ли место будущей стройки хорошо охраняется. Там нечего красть, кроме старых, гнилых дверных или оконных рам, а из-за таких пустяков компания беспокоиться не станет. Более того, если бы даже мы с вами оказались в том месте после того, как стемнеет, и увидели, что кто-то украдкой перевозит что-то в тачке, что бы мы подумали? Скорее всего, бедолага стащил несколько старых дверных замков или кусок трубы, чтобы потом перепродать.

– Верно, сэр, но тогда кто она такая? Будь она порядочной молодой женщиной, ее наверняка хватились бы!

– Вот именно, и кто-то ее наверняка хватился. Придется проверить все заявления о пропавших без вести женщинах, полученные за последние полгода. Начнем с участков в центре Лондона, а потом, если понадобится, расширим поиски.

– Но ведь она умерла не полгода назад! – заметил Кармайкл со своего места.

– Вот именно, доктор! Но, возможно, ее убили не сразу. Меня беспокоит одежда. Нижнее белье пропиталось потом; судя по всему, она очень долго не меняла его... Да и подошвы чулок совсем задубели. И почему она не заштопала дырку на пальце? Не сомневаюсь, обычно она была опрятной и следила за собой, это заметно по тому, как аккуратно и тщательно она штопала чулки. И она наверняка сменила бы грязное белье. Возможно, ее держали где-то в заточении.

– Несчастливая барышня! – Моррис с ошеломленным видом покачал головой.

– Давайте начнем с главного! – отрывисто заметил я, понимая, что сейчас не время предаваться печали. – Возможно, на ее юбке есть карманы. Посмотрите с той стороны, а я с этой.

Я прощупал шов и, естественно, обнаружил карман. Сначала мне показалось, что он пуст, но, опустив в него руку, сразу нащупал кое-что, это оказался чистенький белый носовой платочек, аккуратно сложенный и отглаженный. Судя по всему, хозяйка не успела им воспользоваться.

– Есть, сержант! Давайте-ка посмотрим... Знаете, помо-ему, нам повезло!

Я развернул крошечный кусочек батиста. На нем синими нитками были вышиты инициалы «М. Х.».

– Итак, мисс М. Х., – произнес я, – вы говорите с нами

с того света!

Кармайкл неодобрительно кашлянул. Он был пресвитерианцем и не терпел легкомыслия в религиозных вопросах.

Моррис мрачно посмотрел на платочек и вдруг сказал:

– Послушайте, инспектор... Почему он не притащил ее к реке и не утопил? Тогда мы бы, скорее всего, решили, что она покончила с собой... Неужели убийца не понимал, что в доме, назначенном под снос, ее обязательно найдут?

– Да, сержант, это интересный вопрос! По-моему, все дело в том, что ему почему-то было удобно притащить ее в Агартаун. Возможно, он не подумал, что перед сносом в дом войдут рабочие. В конце концов, всю мебель и прочую утварь давно вывезли. Может быть, он надеялся, что дом сразу начнут рушить снаружи и он рухнет на нее, подобно тому как рухнул храм на мучителей Самсона... – Последнее я добавил, чтобы подразнить Кармайкла. Знаю, я поступил недостойно, но так уж получилось. – Он думал, что труп будет обезображен до неузнаваемости... Когда станут вывозить строительный мусор, ее тело, конечно, найдут, но в таком состоянии, что невозможно будет установить, когда и как она умерла.

Я отошел от стола, и Моррис, не скрывая облегчения, боком двинулся к двери.

– Оставляем ее вам, доктор, – сказал я Кармайклу.

Сзади послышался шорох; к нам подошел молодой человек с прямыми льняными волосами и одутловатым лицом.

На нем был фартук, напоминающий фартук мясника. Мне уже доводилось встречаться с ассистентом Кармайкла, и он не понравился мне с самой первой встречи. Еще меньше понравился он мне сейчас. Он взглянул на покойницу, и глаза у него заблестели. Когда я увидел его лицо, по спине у меня пробежал холодок. Правда, подумал я, на такую работу немного найдется охотников.

Вернувшись спустя полтора часа в свой кабинет, я снял пальто, закатал рукава и окунул голову в таз с водой, смывая пыль и утренние запахи. Тут мне принесли предварительный отчет Кармайкла. Я вытер мокрое лицо полотенцем, а потом взял у констебля лист бумаги.

Мнение Кармайкла относительно причины смерти не изменилось. Он обнаружил кое-что любопытное. Хотя, судя по сложению и общему состоянию, покойница в целом неплохо питалась, последние сорок восемь часов до смерти она ничего не ела: ни в желудке, ни в кишечнике не нашлось остатков пищи. Впрочем, самое важное свое открытие он сообщал лишь под конец. Я понял: скорее всего, это и было мотивом убийства.

Глава 4

Элизабет Мартин

Ничего удивительного, что после долгого, трудного дня я спала крепко и не слышала, как вернулся Фрэнк. Однако вставать я привыкла рано и проснулась, как обычно, в шесть.

Мне захотелось выскочить из кровати, но странно было сознавать, что мне не придется приступать к домашним хлопотам, потому что ими займется кто-то другой. Я перевернулась на другой бок и попыталась снова уснуть, однако у меня ничего не вышло.

Меня побуждала встать не только сила привычки. Из окна, которое я оставила приоткрытым, доносился шум просыпающегося большого города. По булыжникам грохотали повозки, и рабочие, спешащие на утреннюю смену, обменивались друг с другом приветствиями. Мне показалось, что лондонцы просто не умеют разговаривать тихо.

Потом я услышала:

– Мо-ло-ко-о! Прямо от коро-овы!

К моему изумлению, зов сопровождался жалобным мычанием. Корова – здесь, в центре модного Лондона? Я выбралась из-под одеяла, подбежала к окну и, подняв раму как

можно выше, высунулась наружу.

Ну да, внизу стояла корова; ее вел за веревку мальчишка. Корова была унылой, грязной и тощей. Из кухни нашего дома выбежала девчонка в большом, не по размеру, чепце и фартуке, с кувшином в руках; поднявшись на крыльцо, она заговорила с молочницей, державшей маленький трехногий табурет. Видимо, они договорились, потому что молочница поставила табурет на землю, села на него и начала доить корову в металлический бидон-мерку. Когда бидон наполнился, она встала и вылила содержимое в кувшин, который подставила ей девчонка в чепце. Та протянула молочнице несколько монет. И девчонка осторожно понесла молоко вниз, на кухню, а корова и ее сопровождающие отправились дальше. Через несколько минут крик «Мо-ло-ко-о!» слышался с соседней улицы; крик сопровождался скорбным мычанием несчастного животного, которое таскали по булыжникам на веревке.

Я отвернулась от окна и оглядела свою комнату.

В одном углу стоял умывальник; я надеялась, что мне принесут горячую воду для умывания, но когда – понятия не имела. О том, чтобы снова лечь, теперь не могло быть и речи. Я решила спуститься и, пока все спят, осмотреть дом. Наскоро одевшись, я вышла в коридор.

Ни на втором, ни на первом этажах никого не было. Должно быть, прислуга сейчас внизу – ведь девчонка с кувшином поднималась оттуда за молоком. Скорее всего, сейчас слуги

завтракают. Гостиная и столовая оказались пустыми. Я заглянула еще в одну комнату в тыльной части дома. Судя по всему, здесь размещалась малая столовая, и обитатели верхних этажей здесь завтракали. На длинном дубовом столе я увидела подносы для мяса, блюда для горячего и подставку для пароварки. На первом этаже оставалась лишь одна комната, в которой я еще не бывала, — она находилась с правой стороны от парадного входа. Я повернула ручку и вошла.

В нос мне ударили сразу два знакомых запаха: книжных переплетов и застарелого табачного дыма. Я поняла, что очутилась в библиотеке. Должно быть, именно сюда вчера после ужина удалились доктор Тиббет и Фрэнк. В библиотеке было темно; подойдя к окну, я раздернула тяжелые гардины и впустила в комнату утренний свет. Комната оказалась небольшой; вдоль стен тянулись книжные стеллажи, а посередине стояли большой письменный стол с кожаной столешницей и стул. По обе стороны от камина расположились два удобных с виду кожаных кресла. Мне не терпелось поближе познакомиться с книгами; я представила, как сижу в мягком кресле и читаю... если, конечно, миссис Парри отпустит меня надолго.

Над камином висел портрет красивого мужчины с густыми темными волосами, вполне цветущего вида. Его лицо показалось мне знакомым. Я задумалась — и вдруг вспомнила гостя, который приезжал к нам, когда я была еще совсем маленькой — лет шести или около того.

Я знала, что к нам едет гость, задолго до того, как он прибыл, из-за того, что Мэри Ньюлинг наготовила целую кучу угощений. Она ежедневно кипятила кастрюлю с бульоном, чтобы тот «не прокис». Она испекла замечательный торт огромных размеров, начиненный сухофруктами и украшенный жареными орешками, которые мне попробовать не позволили, пригрозив: если я сейчас съем хоть один, мне не позволят взять ни кусочка позднее, когда торт подадут на стол и разрежут. На леднике лежала свиная нога в ожидании великого дня приезда гостя. Мэри Ньюлинг объяснила, что отнесет ее пекарю, который сунет ее в печь после того, как испечет хлеб. Как на Рождество, хотя до Рождества оставалась еще не одна неделя.

После приезда гостя меня услали в детскую, и я увидела лишь верхушку его цилиндра, когда он спрыгнул из двуколки, посланной встречать его. Молли Дарби, моя няня, высунувшись из окна рядом со мной, увидела не больше меня – к ее большому разочарованию. Но потом меня позвали вниз в нашу тесную гостиную. Отец хотел познакомить меня с гостем.

Молли расправила мою юбку, пригладила мне волосы и велела:

– Мисс, ведите себя хорошо, как настоящая леди!

Совет хороший, но следовать ему оказалось невозможно, ведь я понятия не имела, как вести себя в обществе: этому меня никто не учил.

Я бросилась вниз по деревянной лестнице, подняв много шума, и ворвалась в гостиную, снедаемая любопытством. При виде высокого мужчины с грустным лицом, одетым во все черное, я остановилась. В первый миг я пришла в замешательство. Но глаза его по-доброму заблестели при виде меня, и я забыла о своей недолгой и внезапной застенчивости.

– Так вот вы какая, мисс Мартин! – произнес наш гость. – Для меня большая честь познакомиться с вами.

– Да, я мисс Мартин, – сообщила я, беря протянутую им руку и уверенно пожимая ее. – Правда, сейчас меня чаще называют Лиззи. Зато когда я вырасту, то буду мисс Мартин и надену в церковь шляпку с вишенками.

Отец, сидевший у камина, только покачал головой, но гость широко улыбнулся.

– Джош, ты должен простить ее и меня, – сказал отец. – Она настоящая маленькая дикарка и полная невежда, но в этом виноват я.

На маленьком столике стояли хрустальный графин и бокалы. Я знала, что в графине содержится какое-то дорогое вино, которое достают только по большим праздникам. Я заметила также, что отец разбавил его больше обычного – но, возможно, потому, что сидел у огня.

– За что же тебя надо прощать? По-моему, она – очень жизнерадостный ребенок, она очень похожа на Шарлотту.

– Да, – отрывисто ответил отец.

Мне показалось: хотя он и согласился с замечанием гостя, предпочел бы, чтобы тот его не высказывал. Я заметила, как лицо его помрачнело от боли, и поняла, что он по-прежнему горюет по моей умершей матушке. Я подошла к отцу, взяла его за руку, а он поцеловал меня в макушку. Слова гостя озадачили меня; ведь я вовсе не считала, что похожа на матушку. Правда, я ее не знала, а наш гость, видимо, знал.

Должно быть, передо мной портрет Джосаи Парри, моего крестного отца. Наверное, тогда гость представился, но я не запомнила его имени... Зато запомнила, как, уходя, он подарил мне шиллинг, шепнув:

– Спрячь его хорошенько, Лиззи, и купи на шляпку с вишенками!

Шиллинг тогда показался мне целым состоянием. К сожалению, я не сберегла его, а потратила, и шляпку с вишенками так и не купила.

Глядя на портрет крестного, я нахмурилась. Миссис Парри обмолвилась, что ее муж не навещал нас в Дербишире. А на самом деле он приезжал к нам – по меньшей мере однажды. Забыла ли она о том визите или не знала о нем?

На каминной полке стояли небольшие часы из позолоченного черного дерева; рядом лежал коробок безопасных спичек. Наша экономка, Мэри Ньюлинг, всегда покупала старомодные серные спички, и я следовала ее примеру, когда обязанность покупки спичек перешла ко мне. К тому же серные спички стоили немного дешевле.

Вдруг у меня за спиной щелкнула дверь и кто-то ахнул. Я обернулась и увидела изумленную служанку с совком и метелкой.

– Извините, мисс, – сказала она, – не думала застать кого-то здесь так рано.

– Я уже ухожу, – смущенно ответила я. – Спустилась только потому, что хотела попросить кого-нибудь принести в мою комнату горячей воды.

– Хорошо, мисс. Я распоряжусь, чтобы вам сейчас же принесли воду. – Девушка по-прежнему ошеломленно смотрела на меня.

– Я мисс Мартин, новая компаньонка миссис Парри, – объяснила я.

– Да, мисс, я так и подумала.

Словно по наитию, я вдруг спросила:

– Вы уже работали здесь, когда компаньонкой миссис Парри была мисс Хексем?

– Да, мисс.

– Должно быть, все вы очень удивились, когда она так неожиданно пропала?

– Да, мисс. Но миссис Парри отдала нам одежду, которую она оставила.

Я поняла, что под «нами» девушка имеет в виду всех слуг, и живо представила, как они делят пожитки моей предшественницы. Картина меня не порадовала.

– Можно мне тогда приступить к уборке? – Служанка под-

няла повыше совок и метелку.

Мне не следовало задавать ей вопросы. Она наверняка доложит в людской о проявленном мной интересе. И потом, я ее задерживаю... Поэтому я просто спросила, как ее зовут.

Она ответила, что ее фамилия Уилкинс. Я поблагодарила ее и вышла. Мне ничего не оставалось делать, кроме как вернуться к себе в комнату. Слуги не любят тех, кто путается у них под ногами с утра пораньше. Придется мне научиться позже вставать!

Уилкинс не забыла моей просьбы, минут через десять после того, как я поднялась к себе, в дверь постучали, и вошла девчонка в огромном чепце, которая чуть раньше покупала молоко. Теперь она несла кувшин не с молоком, а с горячей водой – большой и очень тяжелый. Вблизи оказалось, что девочке лет двенадцать, а может, и тринадцать. Она была тощенькая, с узким, голодным личиком. Судя по всему, она с самого рождения недоедала, да и мать ее, наверное, плохо питалась. Возраст таких детей трудно бывает определить.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Бесси, мисс, – ответила девчонка, поправляя чепец, который сполз ей на глаза.

– Вот как! – воскликнула я, поспешно беря у нее кувшин, я боялась, что она разольет кипяток. Кувшин оказался очень тяжелым; мне трудно было представить, как ей удалось дотащить его из кухни. Ведь подниматься оттуда пришлось на три этажа! – Значит, мы с тобой тезки. Меня тоже зовут Эли-

забет.

В ответ девочка наградила меня таким же ошеломленным взглядом, как раньше Уилкинс. Потом Бесси нахмурилась и объявила: она не помнит, чтобы кто-нибудь когда-нибудь называл ее Элизабет. Все всегда звали ее только Бесси. Такое имя ей дали в приюте.

Значит, она сирота... А все-таки ей повезло, что она выросла не на улице и чему-то научилась.

– Я сегодня уже видела тебя в окно, – продолжала я. – Ты покупала молоко.

Бесси шмыгнула носом.

– Не больно-то мне по нраву такое молоко из-под коровы. Миссис Симмс покупает его, потому что говорит: если его выдаивают на твоих глазах, значит, его точно не разбавили водой. Молоком торгует еще парень с тележкой и бидоном, но миссис Симмс ему не доверяет.

– Бесси, а почему тебе... не по нраву молоко из-под коровы?

– Вонючее оно, – серьезно ответила Бесси. – Воняет тем, чем кормят бедолаг – капустными кочерыжками да отбросами с базара. Сама я молока сроду не пью.

Я с трудом удержалась от улыбки – очень не хотелось обидеть мою новую знакомую. Несмотря на неказистую внешность, характер у нее был вполне цельный и независимый.

– Бесси, где ты жила до того, как попала в приют? Ты помнишь своих родителей?

– Нет, – сухо ответила Бесси.

– Извини, – сказала я.

Бесси оживилась:

– Меня оставили в церкви, в ящике, на котором было написано «Пироги со свиной Ньюмена». Потому мне и фамилию дали Ньюмен, ведь другой у меня не было. А вот почему меня называли Бесси – не знаю. Могло быть и имечко похуже, верно?

Отпустив последнее философское замечание, Бесси скрылась за дверью.

Когда я, наконец, во второй раз спустилась вниз, шел уже девятый час. В малой столовой, как я и предполагала, был накрыт завтрак. За столом сидел Фрэнк Картертон. Судя по всему, ночные похождения не отразились на его аппетите. Более того, настроение у него явно улучшилось по сравнению с предыдущим вечером, когда мы разошлись по своим комнатам. Во всяком случае, дуться он перестал. Меня он приветствовал очень радостно.

– Доброе утро! А вы, оказывается, ранняя пташка! Поверьте мне, тетю Джулию вы не увидите внизу до полудня. – Он указал на подносы для мяса, где лежали холодные закуски. – К сожалению, лучшие куски говядины съел я; остались одни ошметки. Вот, рекомендую окорок на кости. Кроме того, миссис Симмс жарит превосходные омлеты...

– С меня и окорока хватит, – ответила я.

– Я вам отрежу. – Фрэнк вскочил и принялся срезать с кости огромные ломти мяса.

Я попросила его не слишком усердствовать.

– Начинаю разбираться в том, как у вас здесь все устроено, – сообщила я, когда мы оба уселись и он возобновил еду. – Значит, Симмсы, муж и жена, занимают посты дворецкого и кухарки...

– Миссис Симмс и кухарка, и экономка, – с набитым ртом пробормотал Фрэнк. – Требуется, чтобы ее называли именно так. Она ведет хозяйство и вертит стариной Симмсом как хочет. Наша миссис Симмс – настоящая дракониха.

Меня позабавила мысль о том, что бесстрашный и в высшей степени величественный дворецкий находится под каблуком у жены-мегеры. Мне даже захотелось познакомиться с миссис Симмс. Интересно, покидает ли она когда-нибудь свое логово – кухню?

– Есть еще парочка служанок, – продолжал Фрэнк, – хотя, как их зовут, не скажу.

– Я уже видела одну из них; ее фамилия Уилкинс.

– В таком случае вам известно больше, чем мне. Значит, Уилкинс? Ставлю фунт против пенни, что вторую служанку зовут Ложкине. А что? Вполне подходящие фамилии.

– И еще я познакомилась с маленькой посудомойкой по имени Бесси, с сироткой из приюта.

– А, с грибом! – воскликнул Фрэнк, откладывая нож и вилку. – Должно быть, вы имеете в виду тощенькую девчон-

ку, которая все время носится на улицу и с улицы. У нее громадный чепец и белый фартук... Она ужасно напоминает мне гриб с ногами – до такого даже сам мистер Дарвин не додумался бы. Значит, эту малявку зовут Бесси?

– Да, эту девочку зовут Бесси, – ответила я. – Других слуг у вас нет?

– Если не считать Ньюджент, еще одного дракона в юбке... Хотя она по-своему не слишком вредная старушка.

Меня слегка раздосадовала развязность Фрэнка. Уж слишком небрежно он отзывался о слугах, которые заботились о нем и его тетке. Но я сделала скидку на то, что никто не научил его хорошим манерам и он, скорее всего, не имел в виду ничего плохого.

Дверь открылась, и чарующий аромат кофе предварил появление Симмса. Поставив на стол серебряный поднос, дворецкий осведомился, принести ли мне горячее с кухни.

– Спасибо, – ответила я. – Но сегодня утром с меня вполне хватит и окорока.

Окорока в самом деле было более чем достаточно. Я с трудом справлялась с тем громадным куском, который мне щедро положил Фрэнк. Кроме того, я еще не совсем оправилась после вчерашнего ужина. Глядя на то, как ест сам Фрэнк, можно было подумать, что он голодал целую неделю.

– Симмс, почек, наверное, нет? – задумчиво поинтересовался он у дворецкого.

– Я спрошу у миссис Симмс, сэр.

Когда дворецкий нас оставил, я покосилась на напольные часы в углу.

– Мистер Картертон, в какое время вам положено являться на службу в министерство иностранных дел?

Мой собеседник поморщился:

– Прошу вас, называйте меня Фрэнком. Вы ведь крестница моего дяди Джосаи, так что мы почти кузены.

– Хорошо, – согласилась я.

– Ну а служба... Сегодня с утра я отпросился к портному.

– Отпросились к портному?! – Я не скрывала изумления.

– Ну да. Мне ведь надо заказать себе одежду для России. А потом еще надо зайти к сапожнику. Мне посоветовали подождать приезда на место и купить зимнюю обувь уже в России. Для зимней охоты требуются специальные валяные сапоги – валенки. Смешно, правда? Как мне сказали, кожаные подметки прилипают ко льду.

– Жаль, мистер Картертон... то есть Фрэнк, что мне не удастся полюбоваться на вас в России в ваших валяных сапогах, – сухо заметила я.

– Говорят, там хорошая медвежья охота, – сообщил Фрэнк. – Жду не дожусь!

– Медвежья охота? Что вы станете делать с медведем, если подстрелите его?

– Ну как что... Съем. Говорят, стейки из медвежатины – настоящий деликатес. Как и медвежий суп, впрочем, я не любитель супов. Но мясо – просто чудо.

Я отложила нож и вилку, отчасти из-за того, что наелась, а отчасти из-за того, что не в состоянии была больше слушать вздор, который он нес.

– Фрэнк, – сказала я, – надеюсь, вы позволите попросить вас кое о чем?

– Конечно, я к вашим услугам.

Мне показалось, что он посмотрел на меня чуточку насто-роженно, хотя говорил по-прежнему учтиво.

– Спасибо. Вот в чем дело. Я понимаю, вам иногда нра-вится подразнить доктора Тиббета – и даже тетю Джулию. Но пожалуйста, меня избавьте от ваших сомнительных шу-ток. Мне кажется, что вы – человек вполне разумный.

Он откинулся на спинку стула и смерил меня присталь-ным взглядом.

– А вы очень проникательны, Элизабет Мартин!

– Я говорю то, что думаю, только и всего. – Начав откро-венный разговор, я решила продолжать в том же духе. – Вот, например, что мне недавно пришло в голову. Давно ли вам стало известно, что вы поедете в Санкт-Петербург? Мне по-казалось немножко странным, что вы решили сообщить об этом своей тетке в присутствии еще двух людей, причем одна из них только что приехала в ваш дом. На вашем месте я бы рассказала ей о таком важном событии наедине. Может быть, вы рассчитывали избежать ее первой... скажем так, доволь-но эмоциональной реакции?

Я испугалась собственной дерзости. Фрэнк будет прав, ес-

ли обидится на меня за бестактность! Но он только улыбнулся.

– Как я вижу, у вас на плечах не только хорошенькая, но и очень умная головка!

– Прекратите! – возмутилась я. – Меня трудно назвать хорошенькой. Сама это вижу всякий раз, когда смотрюсь в зеркало.

– Пожалуй, вы правы. Такое слово умаляет ваши достоинства. Вы настоящая красавица – да-да, и не спорьте! У вас умное и очень выразительное лицо. Кстати... Можно в связи с последним предупредить вас кое о чем? В тетином доме старайтесь держать свои чувства при себе. Как вы верно подметили, я иногда изображаю дурачка, но, должен признаться, это очень хорошая маска.

Я не успела ответить, потому что вернулся Симмс с блюдом рубленых почек в острой подливке. Фрэнк накинулся на них, как будто целую неделю ничего не ел.

Когда мы снова остались одни, я спросила:

– Почему в доме вашей тетушки мне следует быть осторожной и не демонстрировать свои истинные чувства? Может быть, излишняя откровенность сразу выдаст во мне провинциалку? – Не дав ему ответить, я по наитию продолжала: – Или это как-то связано с Маделин Хексем?

Фрэнк перестал есть и снова откинулся на спинку стула. Лицо у него сделалось задумчивым.

– Между нами, о чем думала Мэдди Хексем, понять бы-

ло довольно трудно. Она никогда ни о чем не высказывала своего мнения. А в карты она играла довольно посредственно. Я никогда не видел, чтобы она читала серьезную книгу; зато упивалась дешевыми романами, которые брала в публичной библиотеке. Подозреваю, что тетя Джулия считала ее довольно скучной.

– Вы удивились, когда она пропала?

– Скорее не удивился, а испытал раздражение. Тетя Джулия послала меня в местный полицейский участок, где я сообщил о необъяснимом исчезновении Мэдди какому-то доблестному слуге закона. Я совсем не был поражен, когда тетя Джулия получила письмо, в котором Мэдди сообщала, что сбежала с мужчиной. Вот к чему приводит любовь к дешевым романам! Все книжки, которые она читала, были примерно на один сюжет. Сама Мэдди была довольно хорошенькой, точнее, была бы, если бы лицо ее оживлялось хоть иногда... Как я уже говорил, если у нее и были мозги, она, похоже, не стремилась ими злоупотреблять. Вот и письмо ее оказалось довольно скудным. Она не написала ни куда она бежала, ни с кем. Может быть, боялась, что мы разыщем ее и заставим вернуться? Если так, то ее страхи были напрасными! Тетя Джулия почувствовала себя преданной, а доктор Тиббет со свойственным ему пылом посулил беглянке вечное проклятие.

Фрэнк стал задумчиво гонять вилкой по тарелке недоеденный кусочек почки. Я поняла, что даже он иногда насы-

щался.

– Послушайте, – продолжал он, – старика Тиббета просто нельзя время от времени не поддевать – мягко, конечно. Он не дурак, и недооценивать его опасно. Тетю Джулию я и не думаю дразнить; она всегда была очень добра ко мне.

– Вы в самом деле считаете, будто доктор Тиббет – поклонник вашей тетушки, как вы намекали? Или вы снова шутили? По-моему, подобная перспектива вас очень веселит.

Фрэнк громко расхохотался.

– Позвольте мне налить вам кофе, – сказал он. – А там молочник.

Я вспомнила мнение Бесси о молоке из-под коровы и с улыбкой взяла молочник. Цвет у его содержимого был любопытный – синевато-серый; впрочем, никакого неприятного запаха я не почувствовала. Наверное, чтобы что-то учуять, надо было сунуть нос в самый кувшин, чего я не собиралась делать при Фрэнке. Я решила выпить черного кофе.

Фрэнк поставил локти на стол, подпер руками подбородок и серьезно уставился на меня:

– Вы, наверное, знаете, что тетя Джулия была второй женой дяди Джосаи?

– Я не знала этого наверняка, но догадывалась, – ответила я. – Конечно, между ними большая разница в возрасте. И потом, она говорила, что Джосая Парри никогда не приезжал в гости к моему отцу. А я помню, что по крайней мере один раз он к нам приезжал, – я тогда была еще малень-

кая. Вот почему я решила, что тетя Джулия не знает о его визите, а может быть, забыла. Во всяком случае, мой крестный приезжал к нам один. Помню, он был печален и ни разу не улыбнулся, хотя со мной разговаривал очень приветливо. Возможно, он был в трауре – по первой жене?

– Какая вы проницательная! – с восхищением воскликнул Фрэнк. – Я оказался прав. А с вами придется очень тщательно выбирать выражения! У вас отменная память, и вы, по моему, умеете разгадывать загадки.

– Я здесь чужая. Естественно, я наблюдаю, все внимательно слушаю и стараюсь, если могу, во всем разобраться, – возразила я.

– Что ж, тогда позвольте рассказать вам о моей тете Джулии. Вы поймете, что у нас все выглядит не совсем так, как кажется на первый взгляд. Моя мать и ее сестра – дочери сельского священника. Мне кажется, именно поэтому тете Джулии так нравится общаться с Тиббетом; он воскрешает в ее памяти детские воспоминания. Приход моему деду достался бедный, содержать семью было не на что. Они были бедны, простите за каламбур, как церковные мыши. Мать бежала с моим отцом; вынужден признаться, отец также не очень-то умел обеспечить близких. Тетя Джулия не собиралась следовать по стопам своей сестры. Не знаю, где и как она познакомилась с дядей Джосаей, который был богатым вдовцом. Во всяком случае, упускать его она не собиралась. Не поймите меня неправильно. Она стала ему прекрасной

женой. И живо интересовалась его делами – возможно, потому, что понимала, что переживет его. Элизабет, тетя Джулия – еще один человек, который часто носит маску. Тетя делает вид, будто не интересуется ничем, кроме виста и собственного удобства. Но больше всего на свете ей важно, чтобы эти удобства сохранялись у нее навсегда. Вот почему мне смешно думать, что Тиббет питает в ее отношении какие-то надежды. Он думает, что тетя примет его предложение. Я же почти уверен в том, что она ему откажет. Видите ли, она ни за что не отдаст свои капиталы кому-то другому. Скоро Тиббет поймет, что ему придется довольствоваться здешними ужинами, партиями в вист и тем, что к нему относятся как к носителю высшей мудрости. По-моему, когда он это поймет, он смирится со своей ролью. Как я и говорил, Тиббет не дурак.

– Неужели компания моего крестного по-прежнему ввозит ткани с Дальнего Востока?

Фрэнк покачал головой:

– С его смертью импорт тканей прекратился. Но он вкладывал свои деньги в разные отрасли. Так, незадолго до смерти он скупил немало недвижимости. Арендная плата обеспечивала ему устойчивый доход. Тетя его только приумножила. Более того, она и сейчас владеет объектами недвижимости – в основном жилыми домами. Некоторые из них она недавно очень выгодно перепродала, потому что на их месте собираются строить новый железнодорожный вокзал.

– Да, знаю, – кивнула я. – Я... мы, то есть я в кебе вчера проезжала мимо будущей стройки.

– Да, там ее дома и стояли. К ней приезжал представитель железнодорожной компании и предложил очень выгодную цену. А дома пошли под снос, – доверительно сообщил мне Фрэнк. – По-моему, тетя Джулия осталась весьма довольна сделкой.

Я изумилась, услышав его рассказ, и вспомнила скрипучую подводу с ее печальным грузом. Стоит ли упоминать о вчерашнем происшествии? Наверное, Фрэнк сочтет меня ненормальной – как кебмен. Поэтому я решила промолчать.

Фрэнк встал и бросил на стол смятую салфетку.

– Мне пора. Много дел, знаете ли.

Он оставил меня одну, изрядно озадачив.

Глава 5

Как и предупредил меня Фрэнк, миссис Парри, точнее, тетя Парри, как она требовала к ней обращаться, не появлялась почти до полудня и спустилась как раз ко времени легкого обеда, которому я почти не отдала должного.

Ее привычка поздно вставать очень обнадежила меня: ведь по утрам я оставалась предоставленной самой себе! И все же в первый день после завтрака я не вышла на улицу, боясь, что тетя Парри спустится раньше.

Почти все время я просидела в библиотеке. Там я нашла писчую бумагу и чернила и потратила время на то, чтобы написать миссис Нил, моей доброй соседке, у которой я некоторое время жила после того, как продала наш дербиширский дом. Миссис Нил очень беспокоилась из-за моего отъезда в Лондон, чужой город, где я буду среди незнакомых людей. Миссис Нил, ни разу в жизни не покидавшая пределов родного городка, имела все основания называть Лондон «чужим». Я написала ей, что добралась без приключений и виды на будущее у меня весьма неплохие. Не приходилось сомневаться в том, что вести вскоре узнают все соседи. Какое-то время в округе только и будет разговоров, что обо мне. Я запечатала письмо воском, который нашла на подносе, и вынесла его в холл, где заметила деревянный ящичек для писем, которые следовало отправить. Я положила в него

свое письмо, но решила: как только выясню, где здесь почта, буду отправлять свои письма сама... Если, конечно, я напишу еще кому-нибудь.

Позже нас навестила некая миссис Беллинг. Накануне в разговоре всплывала ее фамилия: она – та самая приятельница, которая «нашла» Маделин Хексем и ввела ее в дом тети Парри. Мне любопытно было взглянуть на нее. Должна признаться, первое впечатление о миссис Беллинг оказалось неблагоприятным. Она была одета очень нарядно – в новомодный кринолин, не такой пышный, как те, что носили прежде; юбка у нее была конической формы. На голове, над шиньоном, сделанным явно не из ее волос (они были темнее, чем ее собственные), сидела модная шляпка-каскаетка. Остролицая, длинноносая, она напомнила мне любопытную и хитрую галку. Она забросала меня вопросами обо мне, моем отце, месте моего рождения и прочем, что взбрело ей в голову. Все вопросы она задавала абсолютно прямолинейно. Я решила, что она дурно воспитана. В конце концов, я приехала в Лондон не к ней на работу! Даже тетя Парри как будто решила, что любознательность ее подруги зашла слишком далеко, и через несколько минут перебила гостью вопросом о ее сыне Джеймсе.

Его имя я тоже слышала накануне. Фрэнк обмолвился, что Джеймс Беллинг собирает окаменелости. Миссис Беллинг тут же забыла обо мне и начала распространяться о добродетелях и изумительном уме Джеймса и другого своего от-

прыска. Насколько я поняла из ее слов, кроме Джеймса, у миссис Беллинг еще имелась замужняя дочь, которая сейчас находится в интересном положении. Была у нее и еще одна дочь, помоложе, которая тоже вскоре выйдет замуж, и младший сын, он еще учится в школе. Ему тоже мать сулила блестящее будущее. Я не поняла, который по возрасту коллекционер Джеймс, но мне показалось, что он – ровесник Фрэнка Картертона и потому либо самый старший из детей миссис Беллинг, либо второй по старшинству (после замужней дочери). Я вздохнула с облегчением, когда гостя наконец откланялась. Мне показалось, что миссис Парри также не жалела об уходе приятельницы – по крайней мере, в тот день.

Впрочем, долго мы без гостей не пробыли. Через несколько минут на пороге показался Симмс; его всегда бесстрастное лицо показалось мне непривычно оживленным.

– Прошу прощения, мадам, – провозгласил он, – пришел полицейский, который желает с вами переговорить.

– О чем? – удивилась тетя Парри. – Симмс, передайте, что я занята!

– Извините, мадам, но он желает переговорить с вами лично. Он прислал свою карточку...

Жаль, что мне не удастся передать выражение, с каким Симмс произнес эти слова, и изобразить его походку. Он протянул тете Парри серебряный поднос с единственным скромным картонным прямоугольником, на котором было напечатано: «Инспектор Бенджамин Росс. Столичная поли-

ция, Скотленд-Ярд». Очевидно, дворецкий полагал, что полицейскому не полагается иметь визитные карточки, как и появляться в приличном доме. Наверное, именно поэтому сам Симмс взял за труд отнести карточку наверх.

— Как странно! — воскликнула тетя Парри, осторожно беря карточку и вертя ее в руке. — Где он, Симмс? Чего он хочет?

— Мадам, я проводил его в библиотеку. Он пришел перед самым уходом миссис Беллинг, я решил, что вам, наверное, будет неприятно, если она его увидит. А чего он хочет... Мадам, мне не удалось у него выяснить. Он не говорит. — Несмотря на величественный вид, дворецкий явно разволновался.

— Да, конечно, Симмс, вы поступили мудро. Ах, как странно! Ну а сапоги на нем какие?

— Довольно чистые, мадам. Он не в форме.

— Что ж, в таком случае, по-моему, он может сюда подняться. Нет, погодите. Элизабет, спуститесь вниз и спросите, чего он хочет. Может быть, ему хватит разговора с вами. Если нет, наверное, вам придется проводить его сюда. Но обязательно вначале проверьте, не грязные ли у него сапоги.

Следом за Симмсом я спустилась вниз. Дворецкий распахнул дверь библиотеки и отступил, пропуская меня. Затем он закрыл дверь, оставив меня наедине с гостем.

Инспектор Бенджамин Росс стоял напротив входа, у камина, и смотрел на портрет Джосаи Парри. Я успела заметить, что у него густые черные волосы, что он одет строго, в

уличный костюм, а цилиндр держит в руке. Но вот он обернулся и оказался на удивление молодым для своего звания человеком. Он был гладко выбрит, и лицо его дышало умом. На лице особенно выделялись живые темные глаза.

Однако, как бы я ни удивилась при виде его, мое удивление не шло ни в какое сравнение с тем, какое действие оказала на него я. Не знаю, чего он ожидал: либо подумал, что сама миссис Парри спустится вниз, либо ожидал увидеть мужчину. Увидев же меня, он застыл, точно громом пораженный. Он открыл рот, закрыл его, а потом издал слабое:

– А-а-а...

– Инспектор Росс? – спросила я, держа в руке визитную карточку, которую захватила с собой.

– Да, – ответил он, не сводя с меня взгляда.

– Я Элизабет Мартин, компаньонка миссис Парри, – строго продолжала я, чтобы он сразу понял: меня не одурачишь.

– Да, – повторил он с самым странным видом. – Ну, конечно!

Потом он снова замолчал и наградил меня еще одним ошеломленным взглядом.

Я начала терять терпение – впрочем, терпения мне не доставало и в лучшие времена. Неужели я так плохо выгляжу? Может, у меня растрепалась прическа или грязное пятно на кончике носа?

– Прошу прощения, – довольно резко продолжала я. Странное поведение инспектора начинало меня раздражать.

Я подумала: может быть, следовало захватить оружие посущественнее кусочка картона или, по крайней мере, попросить Симмса сопровождать меня.

Заказать себе визитные карточки может кто угодно; и ведь, кроме его слов, у нас нет других доказательств, что он действительно полицейский!

Странный гость как будто взял себя в руки и быстро заговорил:

– Простите меня. Я надеялся поговорить с миссис Парри, насколько я понимаю, владелицей этого особняка. Она дома?

– Да, дома, – кивнула я. – Но, откровенно говоря, ее весьма озадачила причина, по которой вы здесь появились. Может быть, вы что-нибудь объясните мне?

Я по-прежнему старалась говорить сурово, хотя невольно смягчилась, услышав в речи гостя знакомый северный выговор. Может быть, мы с ним земляки?

Он, словно извиняясь, взмахнул шляпой:

– Извините, мисс Мартин. Подробности я могу обсуждать только с миссис Парри.

Я нахмурилась:

– Неужели не можете хотя бы намекнуть на... причину вашего визита?

Он замялся.

– Понимаете... у меня для нее не слишком хорошая новость.

– Фрэнк! – воскликнула я. – Вы хотите сказать, что с ним произошел несчастный случай?!

– Фрэнк? – резко переспросил гость и нахмурился. – Вы имеете в виду мистера Фрэнсиса Картертона?

– Да, племянника миссис Парри, который живет в доме тетушки. С ним что-нибудь случилось?

Инспектор снова бросил на меня странный взгляд:

– Нет, насколько мне известно, мистер Картертон жив и здоров. Судя по вашим словам, сейчас его нет дома.

– Он служит в министерстве иностранных дел, – объяснила я. – Хотя сегодня утром он был... – Я не понимала, почему должна защищать Фрэнка Картертона, и все же решила, что не стоит рассказывать гостю, что Фрэнк провел утро у своего портного. – Кажется, утром у него были другие дела. Но сейчас он уже должен быть на службе.

– К нему я наведуясь позже, – отрывисто заметил инспектор Росс.

Его слова лишь разожгли мое любопытство. В чем все-таки дело? Похоже, все выяснить можно единственным способом. Я покосилась – надеюсь, не слишком явно – на его сапоги и решила, что угрозы для ковров они не представляют.

– Пожалуйста, следуйте за мной, – пригласила я. – Миссис Парри примет вас наверху, в малой гостиной. Шляпу, если хотите, оставьте на столе в холле.

Я повернулась и зашагала вперед. Поднимаясь по лестнице, я чувствовала на себе пристальный взгляд инспектора.

Может быть, полицейские на всех так смотрят? Я искренне надеялась, что скоро он удовлетворит свое любопытство и утратит ко мне интерес!

Я представила его тете Парри, которая, как мне показалось, приятно удивилась его молодости и даже снизошла до того, что предложила ему сесть, хотя, по-моему, вначале не собиралась этого делать.

– Извините, что побеспокоил вас, мадам, – начал гость.

– С моим племянником ничего не случилось? – встревоженно перебила она.

– Нет, мадам, я пришел не из-за мистера Картертона. Речь пойдет о молодой женщине по имени Маделин Хексем. Насколько я понимаю, она служила у вас компаньонкой.

Тревога тети Парри усилилась.

– Ах... – воскликнула она, вздевая пухлые ручки. – Только не говорите мне, что она вернулась! Я не хочу ее видеть!

– Вы не увидите ее, мадам; боюсь, она уже не вернется.

Последние слова он произнес так мрачно, что волосы у меня на затылке встали дыбом.

– С ней что-то случилось! – выпалила я, не сумев вовремя остановиться.

– К сожалению, да, – кивнул инспектор. – Нашли тело. Мы считаем, что оно принадлежит ей.

– Тело? – вскричала тетя Парри, привстала и тут же упала назад в кресло.

Я подскочила к ней, готовая оказать помощь, и инспектор

Росс тоже поднялся. Но когда мы склонились над ней, тетя Парри отмахнулась от нас обоих, как от назойливых мух.

– Вы имеете в виду – труп? Как... Милый мой, вы очень бестактно объявили такую ужасную новость! – Лицо ее тревожно побагровело, а пухлые пальцы так крепко вцепились в подлокотники кресла, что побелели костяшки.

– Извините, мадам, – сказал наш гость. – К сожалению, мне в силу моей профессии часто приходится сообщать людям печальные вести, а объявить о них по-другому никак невозможно.

Тетя Парри достала носовой платок и начала обмахивать им лицо на манер веера. Я заметила, что она не огорчена, а скорее раздосадована и что за порхающим туда-сюда платочком очень удобно прятать лицо до тех пор, пока его обладательница не возьмет себя в руки.

Вот тетя Парри уронила руку на колени, и я увидела, что она вполне овладела собой.

– Когда... где... как? – осведомилась она и жеманно добавила: – Жаль, что здесь нет Фрэнка или доктора Тиббета! Повторяю, инспектор, вы могли бы подождать со своей новостью до вечера, когда в доме будет мужчина.

– Вначале я должен расспросить вас об обстоятельствах ее исчезновения, – решительно возразил Росс.

Очевидно, он решил больше не тратить времени на ее возражения и решил, что она вполне пришла в себя и ее можно допросить. По-моему, тетя Парри все поняла, потому что

моргнула и устремила на гостя очень твердый взгляд.

– Восьмого марта в полицейский участок Марилебон поступило сообщение о том, что она накануне ушла из дому и ночью не вернулась. По приметам она девушка хрупкого телосложения, невысокая, светловолосая. На ней было светло-сиреневое поплиновое платье в полоску. Кроме того, сообщалось, что, возможно, на ней шаль с узором «турецкие огурцы» и небольшая шляпка, но последние предметы одежды пропали. То есть мы их до сих пор не нашли.

Тетя Парри замахала на гостя руками, чтобы тот замолчал, и упрямо выдвинула вперед пухлый подбородок. Мне показалось, что она снова злится.

– Не может быть! Да, она покинула мой дом весьма странным способом. Как-то утром взяла и ушла, ничего с собой не взяв и не сказав никому ни слова. Но потом, примерно через неделю после ее ухода, мы... то есть я получила от нее письмо. Инспектор, я уверена, здесь какая-то ошибка, и несчастная, о которой вы говорите, – не Маделин.

– Письмо? – оживился Росс. – Оно у вас сохранилось? Можно на него взглянуть?

Тетя Парри покачала головой:

– Нет, я его не сохранила. Я так рассердилась на Мэдди! Она написала, что бежала с мужчиной! А мы и понятия ни о чем не имели! Даже не подозревали! Я разорвала письмо.

Росс явно был раздосадован, но быстро взял себя в руки:

– Мадам, вы не усомнились в том, что письмо написано

ее рукой?

– А как же иначе? – Тетя Парри смерила его ошеломленным взглядом. – Почерк очень походил на ее. Я показала письмо миссис Беллинг, моей доброй подруге, которая и порекомендовала мне Маделин. Впрочем, сама миссис Беллинг ее раньше не видела, только переписывалась с ней... Маделин приехала с севера. Она не была лично знакома с миссис Беллинг; она служила у ее подруги в Дареме. Вы меня понимаете? Так вот, миссис Беллинг также не усомнилась в том, что письмо написано рукой Маделин! – Тетя Парри покачала головой. – Не понимаю, решительно не понимаю!

– Мне очень жаль, – сказал Росс. – В таком случае прошу вас как можно подробнее вспомнить, что именно она написала? Если можно, дословно.

С ловкостью фокусника он извлек из кармана записную книжку и карандаш и приготовился записывать. Меня его быстрота поразила – как, наверное, и тетю Парри. Я открыла было рот, чтобы похвалить его проворство, но успела прикусить язык, прежде чем с моих губ слетело хоть слово.

Тетя Парри в упор посмотрела на гостя, затем перевела взгляд на его записную книжку и в отчаянии заломила руки:

– Но я почти ничего не помню! Кажется, она выражала сожаления, что причинила мне неудобство. Да! Вот ее истинные слова. Помню, я еще подумала, что она сильно преуменьшает. Мы были сами не свои от тревоги за нее, а оказалось, что она бежала с мужчиной! «С джентльменом, с ко-

торым я помолвлена и за которого собираюсь замуж» – вот ее истинные слова. А ведь никто ни о чем не догадывался! Доктор Тиббет сказал, что не верит ни в какую помолвку... Помилуйте, инспектор, неужели вы все записываете?

Карандаш Росса стремительно бегал по бумаге, но, услышав последнюю фамилию, он остановился и переспросил:

– Доктор Тиббет?

– Мой друг, доктор богословия, с которым я имею обыкновение советоваться по всем вопросам, – объяснила тетя Парри. – Так вот, доктор Тиббет отзывался о Маделин весьма жестко. По его мнению, она ступила на стезю порока... Но вы говорите, что она умерла? Как она умерла?

Росс отложил записную книжку. Мне показалось, что тетя Парри вздохнула с облегчением. Но ее облегчению не суждено было длиться долго. Покосившись на хозяйку дома, гость сообщил:

– К сожалению, она умерла насильственной смертью.

Миссис Парри воздела руки вверх и безвольно уронила их на колени. Она ничего не ответила.

– Инспектор, – вмешалась я, – скажите, пожалуйста, где нашли тело мисс Хексем? Далеко ли отсюда?

Он устремил на меня свой суровый, пристальный взгляд.

– В Агартане, – ответил он наконец. – В доме, предназначенном к сносу. Как вам, должно быть, известно, на том месте собираются построить новый железнодорожный вокзал. Все дома в округе сносят. Дом, где нашли ее тело, был

в числе последних.

– В Агартауне?! Не может быть! – ахнула тетя Парри. – Не может быть!

– Да, не такое там место, где вы ожидали бы найти свою бывшую компаньонку, – кивнул Росс. – Понимаю.

Мы с моей хозяйкой погрузились в молчание – каждая по своим причинам. Мне показалось, что миссис Парри оцепенела потому, что совсем недавно продала принадлежащие ей дома в Агартауне под снос. Меня охватил ужас. Значит, по пути сюда я встретила с трупом Маделин Хексем! Что же с ней приключилось? Кто мог убить ее? По какой прихоти капризной судьбы я именно в то время проезжала мимо? Хотя я не суеверна, такая встреча не могла не показаться мне зловещим предзнаменованием.

Очевидно, Росс воспринял наше продолжительное молчание как сигнал к тому, что ему пора уходить. Он встал.

– Простите меня, пожалуйста, что я так вас огорчил. Сейчас я вас покину. Вам нужно будет время для того, чтобы прийти в себя. Возможно, я еще вернусь и еще раз побеседую с вами, миссис Парри. Если вы что-нибудь вспомните... или если кто-то из ваших домочадцев догадывается, с кем бежала Маделин Хексем, пожалуйста, немедленно дайте мне знать.

– Конечно... – прошептала тетя Парри.

– С вашего позволения я пришлю сюда своих подчиненных с тем, чтобы они допросили слуг.

Первые его слова, разумеется, были простой формальностью. Полицейские допросят прислугу независимо от того, даст им тетя Парри свое согласие или нет. Она все поняла, и я снова заметила на ее лице мимолетное раздражение. Она слабо махнула мне рукой; я поняла, что мне следует проводить инспектора.

Когда мы спустились в холл, Росс остановился у стола, но цилиндр свой не взял. Вместо этого он жестом показал на библиотеку:

– Мисс Мартин, позвольте еще несколько слов? Я понимаю, вы глубоко потрясены.

– Я ее не знала, – ответила я, – поскольку приехала ей на смену только вчера.

Тем не менее я повела его в библиотеку и закрыла за нами дверь. Мне не хотелось, чтобы слуги нас подслушивали. Росс предупреждал, что их, скорее всего, допросят, а перед этим они наверняка узнают печальную весть. Но подслушанные обрывки разговора – неподходящий способ узнавать о смерти.

– Извините, что докучаю вам, – продолжал Росс, – но... Нельзя ли осмотреть пожитки мисс Хексем? По словам миссис Парри, ваша предшественница, уходя, ничего не взяла с собой. Значит, ее вещи до сих пор здесь. Их, наверное, куда-нибудь убрали? Возможно, дворецкий знает, где они.

– Мне очень жаль, – ответила я, – но, насколько мне известно, после нее осталась только одежда, которую миссис

Парри раздала слугам. Кажется, в письме что-то говорилось о том, что миссис Парри вправе распорядиться ее вещами, как считает нужным.

На лице инспектора Росса мелькнула досада, но потом он смирился:

– М-да, напрасно я надеялся. Прошло столько времени... неудивительно, что от ее вещей избавились. Неужели после нее не осталось больше ничего – ни писем, ни дневника?

– Насколько мне известно, нет. Хотя, как я вам уже говорила, в то время меня здесь не было.

– Ничего не оставила, написала, чтобы ее одежду выбросили... Мисс Мартин, такое поведение вам не кажется странным? – вдруг спросил инспектор.

– По-моему, она не собиралась возвращаться.

– А может быть, кто-то подделал ее почерк, – тихо ответил он, пристально наблюдая за мной – как я восприму его предположение.

Как можно хладнокровнее я ответила:

– Когда вы беседовали с миссис Парри, такая мысль пришла мне в голову. Если ее убили – а говоря, что она умерла насильственной смертью, вы наверняка имели в виду убийство, – значит, убийца не хотел, чтобы ее искали и нашли.

– А поиски не прекращались, – возразил Росс. – Никто не пришел еще раз в полицейский участок Марилебон и не сообщил, что пропавшая прислала письмо. Для нас, полицейских, мисс Хексем по-прежнему считалась пропавшей без

вести.

Наверное, это Фрэнк виноват, сердито подумала я, но вслух ничего не сказала. Возможно, он просто забыл о письме или не счел нужным известить о нем стражей порядка. Вслух я сказала:

– Жаль, что я ничем не могу вам помочь. Я ее не знала, но ее постигла ужасная участь!

– Сильный удар для миссис Парри, – заметил Росс и внимательно посмотрел на меня своими умными темными глазами. – И хотя вы говорите, что не знали ее, я вижу, что известие вас сильно расстроило.

– Наверное, мне следует объясниться, – смущенно ответила я. – Вчера, когда я ехала сюда в кебе, нас задержали в пути, навстречу двигалась подвода, на которой лежал труп. Как раз в том месте, где сносят дома. Труп был ее, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.